Леонид Лыч

КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:

от самобытной к денационализованной

Минск, «Кнігазбор», 2010

УДК 008(476)
ББК 76.0(4Беи)
Л88

Лыч, Л.
Л88 Культура Беларуси: от самобытной к денационализированной / Леонид Лыч. — Минск : Кнiгазбор, 2010. — 56 с.
ISBN 978-985-6976-21-9

В книге в краткой форме прослеживается тернистый путь развития белорусской культуры, показаны причины и последствия ассимиляции, высказываются предложения по её преодолению. Предназначается специально для русскоязычных слоёв общества с целью привлечения их к активному участию в разрешении проблемы спасения белорусского народа от весьма реальной на современном этапе культурно-языковой ассимиляции в форме русификации.

УДК 008(476)
ББК 76.0(4Беи)

ISBN 978-985-6976-21-9

© Лыч Л., 2010
© Оформление. ЧУП «Книгосбор», 2010

1. СЛЕДЫ ВЕДУТ В ЯЗЫЧЕСТВО

С незапамятных времен культура являлась тем фактором, по которому судили о народе, его месте в мировой цивилизации. История Древней Греции, Римской империи полна ярких страниц о ратных подвигах их народов на полях сражений. Однако не ими, а своими достижениями в сфере культуры более всего прославили себя народы этих стран.

Никогда не находилась на обочине духовного прогресса наша земля. Касается это и того времени, когда здесь господствовала языческая (поганская) культура. В соответствии с ее нормами и установками наши предки показывали образцы самого уважительного отношения друг к другу, общественным интересам коллектива. Людям была характерна большая любовь к окружающей среде. Не случайно многие чем-то показательные, отличительные географические объекты являлись для них чуть ли не божественными.

Вечная борьба с голодом и холодом не сделала тогдашнее население угрюмым, молчаливым, не способным к различного рода увеселениям и играм, которые были неотъемлемым атрибутом их повседневной жизни. Известно, что с самых древних времен на нашей земле очень популярными были выступления скоморохов, которые сопровождались показом музыкальных, танцевальных, акробатических номеров, комедийных и драматических сценок. Вместе со скоморохами часто участвовали в представлениях и дрессированные звери, особенно медведи.

Древняя культура Беларуси много выиграла от того, что когда шел процесс заселения ее славянскими народами, они не стали ломать, крошить все, что было создано здесь аборигенами, которыми историки считают балтов и финно-угров. Миролюбивое, уважительное отношение славян к духовному наследию коренного населения подтверждается сохранением и по сегодняшний день большого числа названий деревень и городов, рек и озер балтского и финно-угорского происхождения. Влияние этого фактора находим мы и во многих фамилиях сегодняшних белорусов.

Теперь уже не существует сомнений и в том, что в эпоху язычества у нас имелась письменность, появление которой ранее ошибочно связывалось только с принятием христианства. Составить о ней более или менее

полное представление невозможно из-за того, что новая религия крайне безжалостно относилась ко всему тому, что не принадлежало ей. Во время массовых разрушений языческих культовых храмов с лица земли не только сносились их крыши и стены, но и подвергалось уничтожению все, что находилось внутри. Это было первое — и, к сожалению, не последнее — сознательное разрушение материальных и духовных ценностей нашей земли, созданных усилиями, умом и талантом не одного поколения людей. Произошло достаточно серьезное нарушение закона преемственности в сфере культуры, что не могло не сказаться на ее дальнейшем развитии.

Культурная жизнь древней Беларуси уже тогда во многом определялась своими связями с другими землями, на которых основались славянские племена. Осознание общности своего происхождения, близость культуры и языка подталкивали всех их к поискам путей самого тесного содружества в сфере культуры. Поддерживать, углублять его не всегда оказывалось простым делом. Препятствовали этому необъятность размеров территории расселения восточнославянских народов, отсутствие надежных путей сообщения между ее отдельными частями. Ко всему этому следует добавить, что славянским племенам в процессе колонизации огромных просторов Восточной Европы пришлось столкнуться с очень разнообразным ее туземным населением. Этнокультурные различия последнего не исчезали бесследно от соприкосновения со славянами, наоборот, в ряде случаев оказывали на последних заметное влияние, особенно по части языка. В результате очень рано начали появляться культурно-языковые различия, которые даже в условиях существования Киевской Руси (Древнерусского государства) способствовали дифференциации восточных славян, образованию среди них во многих отношениях отличных друг от друга этнических сообществ, из которых позднее возьмут жизнь белорусская, украинская и русская народности. И это во всех измерениях есть не что иное, как железная историческая закономерность, которую пришлось пережить многим крупным этническим группам народов, в том числе в Европе — латинской (романской), германской.

Поддержание славянскими народами Киевской Руси тесных связей между собой в области культуры благотворно сказалось на ее развитии. В таком же направлении влияло на духовную жизнь и принятие в конце X века христианства, с которым мы справедливо связываем довольно быстрое распространение грамотности среди населения, особенно его зажиточных, привилегированных слоев. Очень рано наряду с догмати-

ческой литературой появилась и светская, среди которой особое место занимала историческая. Местом написания и переписки книг служили христианские монастыри. Этому святому делу немало лет своей жизни отдала Евфросинья Полоцкая. Есть предположение, что она участвовала в написании Полоцкой летописи, которая, к большому сожалению, не сохранилась до наших дней.

Восточные славяне, в том числе и те племена, что в далекие времена жили в наших краях, проявили незаурядные способности в написании былин. В них во всей полноте показаны любовь людей к своей отчизне, готовность защитить ее от нашествия врагов. Значительная часть из былин создана по социально-бытовым мотивам, в их числе «Вольга Святославович и Микула Селянинович», «Добрыня-сват». С большой степенью вероятности можно утверждать, что местом рождения их могла быть наша земля, поскольку в них излагаются события, которые происходили аккурат на данной территории Древнерусского государства. Немало белорусского есть в замечательном шедевре того времени «Слово о полку Игореве». Обращают на себя внимание такие характерные только для белорусского языка в прошлом и ныне слова, как «аксомиты», «брешут», «вежа», «кожухы», «полон», «сведоми», «шизым» и др. В «Слове» встречаются и присущие только белорусскому языку чередования согласных звуков, как г — з (нага — назе), х — с (страха — страсе), к — ц (рука — руцэ). Кроме Евфросиньи Полоцкой на ниве литературной и культурно-просветительской деятельности плодотворно трудились Кирилл Туровский, прозванный за свое ораторское искусство Златоустом, Климент Смолятич, Авраамий Смоленский.

С принятием и распространением христианства, в котором на нашей земле и первоначально, и позднее преобладал восточный обряд, связаны положительные сдвиги в развитии архитектуры и живописи. Из всех городов наибольшими достижениями выделялся один из самих крупных и древних — Полоцк. Занять такое ведущее место помогла Полоцку та роль, которую он играл в экономической, политической, религиозной жизни Полоцкого княжества. В архитектурной застройке его столицы в одинаковой степени были заинтересованы как светские, так и духовные власти. И как результат, в Полоцке уже в XII столетии имелось свыше десяти крупных, красивых своим внешним и внутренним оформлением каменных строений, в том числе Софийский собор (третий по времени возведения после такого же собора в Киеве и Новгороде), Борисоглебский (Бельчицкий) монастырь, Спасо-Евфросиньевская церковь. Прославлен-

ный мастер-ювелир Полоцка Лазарь Богша изготовил в 1161 году для Евфросиньи Полоцкой филигранной работы крест, которому тогда не имелось равных во всей Киевской Руси.

Все виды культуры и искусства древней Беларуси носили на себе ощутимые следы византийского влияния, которое, однако, не подрывало местных основ ее духовной жизни. В ней разумно сочеталось заимствованное с тем, что было характерно только культуре данного края, благодаря чему последняя все более и более укрепляла свойственные ей неповторимость и колорит. Эта специфика приобрела устойчивую тенденцию углубления в последний период существования Киевской Руси, когда ее отдельные земли одна за одной становились на путь независимого развития или попадали под власть завоевателей.

Не отличались большим тяготением к метрополии Полоцкое и Туровское княжества. А когда же под ударом восточных кочевников были окончательно подорваны военные и политические позиции Киева, его влияние на все стороны жизни белорусских земель было сведено к нулю. С особой силой отразилось это на культуре и языке.

2. У ГОСУДАРСТВЕННОГО НАРОДА И КУЛЬТУРА САМОБЫТНАЯ

С падением Киева для Беларуси начинается совершенно новый этап исторического развития. В скором времени она становится основной территорией, костяком одного из крупнейших в тогдашней Европе государственных образований — Великого Княжества Литовского. Такое положение наших земель в составе данного государства позволило им играть доминирующую роль во всех сферах его жизни, в том числе и в культурной.

Наша культура периода Великого Княжества Литовского в основе своей продолжительное время оставалась такой же, какой она была накануне рождения этого нового государственного образования. Ее славянских основ не могли поколебать ни присутствие в ВКЛ культуры жемойтов и аукштайтов, из которых впоследствии образуется современная литовская нация, ни те влияния, на которые были способны в те годы страны Европы, переселенцев откуда всегда немало у нас обитало. Если эти славянские

основы культуры наших предков и подвергались каким-то изменениям, то главным образом под воздействием внутренних факторов местной жизни, которая выделялась своим богатством и специфическими особенностями. А изменения не могли не иметь места. Сущность их сводилась к тому, что культура основного населения ВКЛ все больше отходила от культуры бывшей Киевской Руси и культуры тех восточнославянских земель, где тогда шел процесс формирования украинской и русской народностей. Тенденции культурной дифференциации были настолько могущественными, что она не утратила своей силы даже тогда, когда под юрисдикцией государства ВКЛ оказалась преобладающая часть украинской этнической территории. И следует со всей определенностью признать, что такая дифференциация пошла на пользу восточнославянской этнической общности. В культурном отношении она стала значительно богаче, чем это было в прежние времена. Совсем иной эта общность стала и в плане своего этнического развития. Если раньше ее основными составляющими компонентами являлись племена, то сейчас они неуклонно приближались к тому уровню, по достижении которого им предстояло перерасти в народности: белорусскую, украинскую и русскую. Слово «русскую» приходится ставить на третье место, потому что ее формирование существенно тормозилось по времени из-за тяжелых последствий татаро-монгольского ига.

В несомненную заслугу государственным деятелям, образованным людям ВКЛ необходимо поставить их глубокое понимание роли лингвистического элемента в духовной жизни страны. Они своевременно заметили, какими нежелательными последствиями для нее может обернуться никем не регулируемое распространение могущественного, богатого лексикой латинского языка, и по примеру других европейских государств своевременно отыскали разумные рамки его использования, с тем чтобы не допустить ограничения социальных функций родного языка основной народности ВКЛ — белорусской. В результате такой взвешенной, глубоко продуманной политики он рано или поздно должен был стать и стал фактически государственным. Произошло это архиважное для судеб белорусского народа событие при великом князе литовском Альгерде (1345–1377). Именно при нем большая часть документации, что готовилась в государственных, административно-служебных и судебных канцеляриях, писалась на древнебелорусском языке.

Правительственные органы, передовые общественные круги Великого Княжества Литовского никогда не стремились ограждать свою культуру,

эту исключительно важную область деятельности человека, от достижений других народов. Так исторически сложилось, что в этом вопросе первое место всегда принадлежало культурам стран Западной и Центральной Европы. Ее же восточная и южная части вынуждены были вести разрушительные войны с народами, которые стремились проникнуть внутрь континента. Не все ладилось у ВКЛ по части культурного сотрудничества и с самим Московским княжеством. Виноваты здесь в первую очередь высокие руководители этих государств, потому что уж очень старался каждый из них сделать свою страну центром объединения всех восточнославянских народов, создать нечто подобное давно и безвозвратно ушедшему в историю Древнерусскому государству. Эта объединительная миссия со стороны ВКЛ и Московского княжества унесла в могилу не один миллион братьев-славян, что не могло не притормозить экономическое и культурное развитие этой части европейского континента. И хорошо, что не задержало его целиком, не привело к полному упадку.

Близость ВКЛ к странам Центральной и Западной Европы, достаточно высокий для того времени уровень духовного развития его населения благоприятствовали тому, что и на нашу землю пришли, дали хорошие, обильные плоды прогрессивные идеи Возрождения (Ренессанса) и Реформации. Совпало это с самым счастливым периодом в истории Великого Княжества Литовского, заслуженно называемым в литературе золотым веком. В это время и наш народ дал мировой цивилизации немало выдающихся, всесторонне развитых деятелей науки и культуры, настоящих гениев, среди которых, бесспорно, первое место принадлежит белорусскому первопечатнику, просветителю и мыслителю Франциску Скорине. Тогдашняя Европа хорошо знала его коллег и последователей Николая Гусовского, Яна из Вислицы, Сымона Будного и многих других. Всех наших сыновей, незаурядный талант которых помог им выйти на уровень самых передовых и известных людей европейского цивилизованного света, всегда и везде, дома и за рубежом отличали большая, искренняя любовь к культуре и языку родного края, неугасимое желание трудиться во имя его процветания.

Не существовало ни одного направления в культуре нашей страны, которое сполна не ощутило бы на себе прогрессивного воздействия идей европейского Возрождения. В решительной степени коснулось оно и архитектуры. К ее развитию проявляло большой интерес само государ-

ство, а также православная и католическая церковь, многие зажиточные и влиятельные роды. Каждому из них хотелось жить и работать в таких помещениях, которые по своему внешнему виду, внутреннему оформлению если не превосходили, то и не уступали бы тем, что имелись у соседей. В архитектурном отношении подлинной красотой выделялась столица ВКЛ и культурный центр белорусского народа город Вильно. Никогда не думали наши предки, обустраивая, украшая этот город, что он когда-нибудь станет столицей иного государства. Такое случается очень редко в истории. Белорусов же это не миновало. Уже в конце XVI века в Вильно имелось 14 православных и католических храмов. К числу самых ранних относились Пятницкая (1345–1346), Пречистенская (первая половина XIV в.) и Троицкая (первая половина XVI в.) церкви.

Положительной чертой в развитии архитектуры того времени следует признать всяческое стремление возводить красивые, величественные здания административно-служебного, культового назначения не только в крупных, но и в средних по количеству жителей городах, а то и в сельской местности. И это очень правильный подход, ибо нельзя сделать страну культурной, привлекательной, если беспокоиться только о состоянии ее городов. Нужно стремиться к тому, чтобы все блага культуры пропорционально распространялись в пределах всей страны, доходили и до сельских жителей. Такой взгляд на культуру как раз и помог небольшому городку Мир, что на Гродненщине, войти в число самых красивых мест ВКЛ. Привлекательный вид придал ему построенный в XV–XVI веках дворцово-замковый комплекс — Мирский замок, который и сегодня привлекает к себе внимание многочисленных туристов. В то же время здесь была сооружена Троицкая церковь, относящаяся к числу самых известных на Беларуси памятников архитектуры средневековья. Из созданных за пределами больших городов архитектурных объектов заслуживают быть названными Троицкий костел в Ишколди (Барановичский район), Святодуховская церковь в Кодени (Берестейщина), Борисоглебская церковь и цитадель-божница в Новогрудке, оборонительная система замков в Несвиже, цитадель-божница в Осташине (Новогрудчина), церкви оборонительного характера в Сынковичах (Зельвенский район), Малом Можейкове (Лидский район), Супрасли (Белосточчина).

Разрешив свободное поселение татар и евреев на территории Великого Княжества Литовского, его власти ни в чем не препятствовали их культур-

ному развитию, в том числе и возведению различного рода архитектурных объектов культового и светского назначения. Сооруженная на Сморгонщине в деревне Давбучишки мечеть (упоминается в Литовской метрике под 1558 г.) относится к одним из самих древних такого рода храмов в Европе. Поскольку в возведении мечетей и синагог участвовали и местные мастера из числа коренного населения, в таких объектах присутствовало немало черт, свойственных типично белорусской архитектуре.

Должное развитие получила живопись, которая все это время находилась под сильным влиянием религии. Духовенство очень беспокоилось о внутреннем украшении храмов, желая этим привлечь в них как можно большее число прихожан, укрепить их веру в Бога. Росписью стен и потолков церквей и костелов занимались лучшие мастера края, а также приглашенные из других стран. С расширением культа богатства все большее значение приобретает светская живопись. Любимым жанром ее становятся портреты. Написание их заказывали князья, магнаты и другие категории зажиточных людей самым известным художникам, не исключая и иностранных. На высоком профессиональном уровне выполнены портреты витебской княжны Пракседы (XIV), представителей магнатского рода Ходкевичей.

Мастера Великого Княжества Литовского славились своими замечательными достижениями в области книжной графики, причем как рукописной, так и печатной. К числу первой больше всего есть оснований быть причисленным у «Лавришевского Евангелия» (от названия деревни Лавришево Новогрудского района), которое хранится в Кракове в музее Чарторийских. Оно имеет 18 рисунков, заглавные буквы выделены красной и зеленой красками. Переплет этой рукописной книги отделан бирюзой, рубинами, изумрудами, в центре его находится серебряная пластинка с изображением покровителя воинов Святого Дмитрия Салунского в доспехах со щитом и копьем. Из печатной продукции выделяются прежде всего книги Франциска Скорины, и в этом заслуга их автора. Оформление книг славного белорусского первопечатника и мыслителя до такой степени оригинально, что некоторые из них не уступают лучшим европейским образцам.

Сказанное выше дает достаточно оснований причислить нашу страну — Великое Княжество Литовское периода XIV–XVI веков — к достаточно развитым в культурном отношении государствам Европы. Выйти ей на такой почетный уровень помогла большая забота властей, широких

слоев общества, не исключая и самых зажиточных, привилегированных, о духовном процветании своей страны. Учитывая, что с первых лет своего существования она была населена преимущественно славянскими племенами, из которых впоследствии сформировалась белорусская народность, развитию их культуры и придавалось первоочередное значение. В заслугу государству следует поставить и то, что оно своевременно и безошибочно разобралось, какую опасность грозит широкое, не вызванное интересами культурного развития распространение в ВКЛ латыни и польского языка, и в законодательном порядке закрепило выполнение функций служебно-административного, судебного характеров исключительно только за белорусским языком. Это надежно оградило последний от всевозможных ассимиляций, сделало обязательным овладение им всеми, кто хотел занять подобающее место в общественно-политической, экономической, культурной жизни. Хорошее знание белорусского языка всеми слоями общества содействовало тому, что страна никогда не испытывала недостатка в талантливых мастерах художественного слова, имела замечательные достижения в области культуры, науки и образования.

Наши предки не ошиблись в том, что, создав новое государство Великое Княжество Литовское и живя в не похожих на прежние времена условиях, не отошли от лучших традиций культуры предыдущей эпохи, когда восточные славяне стремились создать единое государство. Благодаря такому уважительному отношению к восточнославянскому духовному наследию культура ВКЛ в той части, где формировалась и сложилась белорусская народность, носила ярко выраженный славянский характер, в котором все больше и больше появлялось того, что в высшей степени было свойственно исключительно только белорусам, а не кому-нибудь из их братьев-славян. Это в конечном итоге отчетливо выделило, сделало белорусскую культуру во многом не похожей на украинскую или русскую. Создатели этих трех культур, развиваясь в совершенно новых исторических условиях, оказались способными сделать несравненно больше, чем это им удавалось ранее. Появление на огромной территории расселения восточных племен трех уже более совершенных этнических объединений в форме белорусской, украинской и русской народностей и соответственно этому трех специфически отличных друг от друга восточнославянских культур — это величайшее историческое достижение на пути духовного развития славянского сообщества. Чувствуя общность происхождения, близость и родство культур и языков, белорусская, украинская и русская

народности никогда не порывали культурных связей между собой. Последние нарушались, не имели должного положительного воздействия на народы-братья только тогда, когда эти народы по воле своих правителей втягивались в конфликты, которые, к сожалению, часто перерастали в кровопролитные войны. Их было не меньше, чем во времена Киевской Руси. Несколько более медленное культурное развитие Московского государства и Великого Княжества Литовского в сравнении с передовыми странами Европы в значительной степени и объясняется такими войнами восточных славян. На свою беду, они в те сложные времена так и не научились жить, не предъявляя друг другу всевозможных претензий, в том числе и совершенно неуместного желания установить полное политическое господство одного над другим. А это уже нонсенс.

Вполне закономерное стремление прогрессивно мыслящих, передовых людей белорусской, украинской и русской народностей к взаимному культурному содружеству не преградило дорогу ВКЛ в страны Центральной и Западной Европы. Необходимость и польза такого выхода хорошо понимались не только представителями культуры, но и многими политиками. Постоянная направленность белорусской культуры на центральные и западноевропейские страны обеспечивала ей типично европейский характер, держала в курсе всех наиважнейших событий их духовной жизни. При благоприятных внутренних и внешних условиях ВКЛ могло бы прочно и навсегда закрепить за собой место среди самих передовых, культурно развитых стран Европы. Приходится только сожалеть, что по вине соседей таких условий *у* нашего народа не имелось.

3. В ОБЪЯТИЯХ ПОЛОНИЗАЦИИ

С нежелательными последствиями влияния польской культуры и католического костела польского образца на духовную жизнь ВКЛ нашему народу пришлось столкнуться довольно рано. И если она не так быстро расшатывалась, сохраняла свои сущность и природность, так только потому, что была предметом повседневной заботы самого государства и прогрессивной белорусской общественности. Положение стало изменяться к худшему, когда в верхние эшелоны государственной власти ВКЛ стали пробиваться лица пропольской ориентации, которые во всем стали со-

действовать, поощрять проникновение в наши культуру и язык обычаев и нравов западной соседки. Не всегда правильную позицию в отношении духовных ценностей своего народа занимали состоятельные белорусские семьи. С чьей-то легкой руки во многих из них стало распространяться ложное мнение, что все польское чуть ли не на целую голову стоит выше белорусского, потому, чтобы стать во всех отношениях передовым человеком, нужно обязательно отказаться от своих (белорусских) и жить чужими (польскими) традициями и нравами. И таких поборников «более высокой культуры» оказалось немало на нашей земле. Став сначала иждивенцами польской культуры, впоследствии они начали выступать и в роли ее творцов, причем достаточно незаурядных, чем подрывали, тормозили развитие, совершенствование духовного потенциала своего родного белорусского народа. А пройдет еще немного времени, и последний уже не станет восприниматься его ополяченными поколениями как родной. Таким для них уже будет являться польский этнос.

Переход людей в большинстве своем талантливых, образованных к использованию, а затем и непосредственному участию в создании духовных ценностей для какой-то иной культуры — это величайшая трагедия для народа, к которому эти люди принадлежат. Их измену национальным интересам своего отечества ничем нельзя оправдать, потому что оправданию никогда не подлежит то, что служит культурно-языковой ассимиляции родного народа. Несомненный вред антинациональных действий всех тех белорусов из состоятельных, наиболее образованных кругов общества, что изменили своим духовным традициям и стали носителями чужих, усугублялся еще и тем, что они всячески стремились на этот крайне опасный для наших интересов путь склонять и тех, кто находился от них в той или иной форме зависимости или попал под их влияние. В число таковых часто могли попадать и попадали целые селения, когда они находились под юрисдикцией магнатов и помещиков, которые вдруг решились жить в польской культурно-языковой стихии, отказались от своей этнической принадлежности и приняли ту, что признавалась ими более престижной. К этому они не могли не склонять и зависимое от них население. Так с годами на исконно этнической территории белорусов возникли очаги польской культуры, носители которой со временем забыли свой родной язык, отошли от культуры старших поколений, перестали отождествлять себя с белорусской народностью.

Уже первые десятилетия совместной жизни Великого Княжества Литовского с Короной Польской в одном федеративном государстве — Речи Посполитой — убедительно показали для политиков и этнически сознательных людей первого, какой сложный характер для них приобретает регулирование культурно-языковыми процессами. Думается, что и тогда для умных людей не являлось секретом, что в полиэтническом государстве все условия для нормального развития культуры имеет только господствующая народность, коей в Речи Посполитой являлась не белорусская или украинская, а польская. Культуры же всех негосподствующих народностей такого государства обречены на борьбу за свое выживание с культурой его титульного народа. Дается это крайне нелегко. Продлить существование культур нетитульных народностей можно только через невероятно большие усилия. И хорошо, если последние делаются со стороны государственных органов. Без их старания уберечь культуру неосновного народа только с помощью ее носителей практически невозможно. Соперничество культур в пределах одной и той же территории всегда происходит в самых жестких, совсем не культурных формах. По этой причине на планете Земля за время ее существования исчезло такое большое количество оригинальных, самобытных культур и языков. Этот безотрадный, безжалостный процесс еще не закончен и поныне, и неизвестно, когда он придет к концу и что оставит после себя мировой цивилизации.

Нельзя сказать, чтобы всего того, о чем речь шла выше, не понимали политические деятели, образованные круги населения ВКЛ. Понимали и принимали кое-какие меры, дабы оградить свою культуру и язык от чрезмерного, а значит, и небезопасного польского влияния. Иное дело, что такие меры не всегда были достаточно эффективны. В заслугу государственным деятелям, юристам можно поставить то, что они очень оперативно пересмотрели и внесли порожденные новой обстановкой изменения в Литовский Статут 1566 года. В противовес политике насаждения польского языка во все сферы общественной жизни и в очередном Статуте, принятом в 1588 году, это значит, спустя почти два десятилетия после образования Речи Посполитой, в законодательном порядке было зафиксировано, что вся служебная документация должна вестись на родном языке коренного населения ВКЛ. Это обязывало всех служащих, независимо от их отношения к данному языку, овладеть им и пользоваться при составлении различного рода деловых бумаг. Повсеместное присутствие белорусского языка в деятельности чиновников государственных, административных и

судебных канцелярий способствовало тому, что он служил здесь людям и основным средством межличностного общения. Совершенно оправданным следует признать наличие в Литовском Статуте 1588 года статей, в соответствии с которыми лица, не относящиеся к коренному населению ВКЛ, в том числе и поляки, не допускались к занятию государственных, административных, судебных и церковных должностей. Это позволяло держать на расстоянии от участия в формировании жизни, включая сферу культуры, людей, которые являлись носителями совершенно иных духовных ценностей, не владели белорусским государственным языком ВКЛ, а то и просто игнорировали его. Пока на территории ВКЛ удавалось строить общественную деятельность людей в русле Литовского Статута 1588 года, она целиком и полностью отвечала интересам исторического развития белорусской народности, которая и в условиях совместного проживания с поляками в одной стране — Речи Посполитой — добивалась, благодаря вниманию и поддержке государственных органов, немалых успехов в культурном развитии. Не было в духовной жизни такой сферы, где бы не удалось совершить чего-то замечательного, сохранившего свою ценность на века.

Вновь, как и в период существования ВКЛ в качестве унитарного государства, не входящего ни с каким другим в ту или иную форму объединения, культура нашего края развивалась на своих природных основах, не отказываясь от заимствования, творческой переработки всего того, что можно было получить от других народов. Больше всего приходилось обращать внимания на культуру тех из них, что жили в странах Центральной и Западной Европы и развивались с отчетливым опережением по сравнению с другими. Углублению контактов в области культуры с Московским государством, к сожалению, препятствовали его крайне натянутые отношения с Речью Посполитой. Причина все та же: претензии на славянские земли Великого Княжества Литовского. Желание любой ценой стать объединительным центром всех восточнославянских земель отодвигало для Москвы на задний план их культурное развитие. Главным являлось их политическое подчинение, что не раз оканчивалось кровопролитными войнами. Данный фактор, как и во все предыдущие времена, отрицательно сказывался на духовном развитии белорусского, русского и украинского народов, углубляя их отставание от передовых стран Европы. Достижения Беларуси на различных участках культурной жизни были бы куда богаче, если бы не приходилось отвлекать значительные

материальные и финансовые средства на залечивание ран, нанесенных разорительными войнами со своими братьями-славянами.

Из всего созданного в сфере культуры в первый период существования Речи Посполитой белорусский народ может гордиться довольно многим. Касается это и всех жанров литературы, особенно полемической. После знакомства с нею мы начинаем лучше понимать, в каких сложных условиях приходилось отстаивать самобытность нашей духовной жизни. Особенно тяжело приходилось после того, как в 1696 году Всеобщая конфедерация сословий Речи Посполитой приняла постановление, в котором требовалось, чтобы на территории ВКЛ все государственные, административные и судебные канцелярии использовали при составлении документов только польский язык. В данном случае колонизаторы не ошиблись. Чего они хотели достичь таким постановлением, того и достигли, причем в сравнительно короткое время. Варварское изгнание белорусского языка из служебного делопроизводства сделало его непопулярным среди очень большого числа лиц, занимавших высокие посты в государстве. Вскоре это перекинулось на средние и более низкие звенья общественной жизни. Влиятельнейшая армия административных лиц сделала все, чтобы свести к нулю использование белорусского языка в сфере образования. Педагогические коллективы охотно поддержали почин, потому что какой интерес строить учебно-воспитательный процесс на языке, которому не стало места в общественной деятельности людей? Его даже нет особого смысла изучать в качестве обычного школьного предмета. Так с помощью братского славянского народа — поляков — язык, а вместе с ним и вся культура белорусов оказались в крайне тяжелом положении. Уже тогда перед нашими предками во весь рост встал вопрос об этнокультурном выживании. И только благодаря их исторической памяти, богатому духовному потенциалу, здоровому этническому самосознанию оказалось не так-то просто полонизировать их.

Ограничение государственными органами пропольской ориентации социальных функций белорусского языка в наибольшей степени отрицательно отразилось на состоянии тех областей культуры и искусства, для которых лингвистический фактор играет если не решающую, то очень важную роль. В XVIII веке пришлось практически распрощаться с белорусской художественной литературой. Созданные на белорусском языке произведения не в состоянии были оказать даже малейшего влияния на духовную жизнь края. Его образованные люди несравненно больше за-

читывались польской литературой, чем родной, что только содействовало укреплению позиций чужой, наносной культуры, неукоснительно вело к ассимиляции самой передовой, интеллектуальной части белорусского народа.

С изгнанием белорусского языка на задворки закономерно была утрачена его роль в деятельности театров. Представления в них шли преимущественно на польском языке. Использовалась в этих целях и латынь. Белорусский же язык звучал в спектаклях только тогда, когда в них требовалось показать кого-то из самых простеньких местных людей. Чтобы такие представления как можно ближе подвести к реальности, считалось, что эти люди должны говорить о самых обыденных вещах на своем родном языке. О качестве, грамотности речи не заботились, а наоборот, старались наполнить ее простыми до грубости выражениями, чтобы показать, насколько выше и благороднее все польское. У нас сейчас принято говорить чуть ли не о настоящем расцвете театрального искусства в Беларуси в XVIII веке. Если не брать во внимание лингвистический фактор, то этому виду творческой деятельности, пожалуй, и не будет ошибкой давать такую высокую оценку. Только оправдана ли она? Нет ли здесь пренебрежения языком театра? Думается, есть. Здесь уместен такой критерий: если театры работают не на родном языке народа, то вместо пользы наносят только вред последнему. Такого не наблюдалось бы, если бы, скажем, из восьми-десяти театров лишь один-два работали на польском языке, а все остальные — на белорусском. Подобного тогда не было. Белорусский театр, за редким исключением, был польскоязычным и потому, как и многие другие участки культуры, надежно служил идее полонизации населения. Позиции польского театра у нас тогда были так прочны, что вряд ли кто думал придать ему белорусские черты. Национальные основы оставались непоколебимыми только в представлениях фольклорного характера, что организовывались простыми людьми белорусской национальности. Однако не будучи дополнены белорусским профессиональным национальным театром, такие представления уже не отвечали духу времени. К ним или совсем не проявляли интереса или проявляли очень незначительный самые состоятельные и образованные категории людей, которые в наибольшей степени влияют на культурное развитие любого общества. Среди белорусского же народа носителем национальной культуры оставался преимущественно простой люд с его низким уровнем материального благосостояния и духовного развития.

Ближе стояли к национальной культуре белорусского народа те ее жанры, для которых меньшее значение имеет лингвистический фактор. Не было здесь исключением и балетное искусство, которому все время уделяли большое внимание в театрах, принадлежавших магнатскому роду Радивиллов. Отдавая известное предпочтение приглашенным из-за границы артистам, вместе с тем заботились о том, чтобы к балетному искусству приобщить и способную молодежь из близлежащих сел. На балетную сцену не была закрыта дорога даже крепостным юношам и девушкам. Бывали случаи, когда кто-то из них впоследствии становился балетмейстером, руководителем школы балетного танца. В течение многих лет хорошая слава шла о балете Гродно и Слонима. Когда возник вопрос о создании Варшавского королевского придворного балета, для постоянной работы в нем были приглашены гродненский «крестьянский балет» и слонимские танцоры в составе 60 человек. Они явились основным профессиональным костяком этого театра.

Богатые традиции населения нашего края в области народной музыки послужили тому, что в ней все больше стало появляться черт высокого профессионализма. Если раньше он привносился в этот вид искусства лицами иностранного происхождения, то позже — и самими белорусами. Пожалуй, не найти такого жанра сложной профессиональной музыки, который не стал бы известен, популярен в те времена на нашей земле. Активными пропагандистами такой музыки были музыкальные капеллы, созданные во многих городах. Специалистами установлено, что в последние годы существования Речи Посполитой на территории Беларуси существовало около 30 симфонических капелл. В их исполнении звучали сочинения таких хорошо известных в Европе композиторов, как И. Гайдна, Д. Поизиели, Э. Ванжуры и др.

Как положительное следует признать приобщение к овладению серьезной музыкой учащейся молодежи. Пример часто показывали иезуиты, которых у нас чуть ли не до последнего времени было принято показывать только в отрицательном плане. Это благодаря их заботе на протяжении 80–90-х годов XVIII века в бурсе Витебского иезуитского коллегиума существовала школьная капелла, которая своими выступлениями сделала значительно богаче музыкальную жизнь всего города. В ее репертуаре присутствовали танцевальная музыка, канты, симфонии и даже оперы.

Сложностью репертуара отличались и многие другие музыкальные капеллы. По неполным данным в XVIII веке только в частновладельче-

ских, воинских и церковных капеллах городов Беларуси выступало около 500 музыкантов. Характерно, что капеллы создавались и в небольших по численности населения городах, что очень положительно сказывалось на их культурном развитии. В числе таких населенных пунктов можно указать Несвиж, Слуцк, Слоним, Ружаны (Пружанский район), Деречин (Зельвенский район), Жировичи (Слонимский район), Шклов.

Поднять на достаточно высокий для того времени уровень профессиональное музыкальное искусство стало не в малой степени возможным потому, что на Беларуси были известны практически все музыкальные инструменты, которыми пользовались исполнители в странах Европы. Очень рано прижился и стал весьма популярным в руках наших музыкантов струнно-щипковый инструмент лютня. Отличной игрой на этом инструменте Войтех Длугарай заслужил право выступать в музыкальной капелле польского короля Стефана Батория, резиденция которого долгое время находилась в Гродно. Длугарай является автором собственного сборника нот для лютни. С XVII века любимым инструментом наших исполнителей стала гитара, которая уступала, быть может, только одной скрипке.

Высшим достижением в развитии профессиональной музыки следует признать появление у нас своих собственных композиторов, авторов большого числа кантов, полонезов, симфоний, ораторий и даже опер. Равного здесь не было виленскому каштеляну Матвею Радивиллу, перу которого принадлежит ряд весьма популярных оперных, оркестровых и фортепианных сочинений. В историю культуры нашего края он вошел еще и как либреттист и незаурядный артист.

Объектом повышенного интереса королевской власти, высоких духовных лиц и крупных магнатов в это время являлась архитектура. Все они стремились к тому, чтобы здания, в которых им приходилось исполнять свои служебные обязанности или жить, отличались внешней и внутренней красотой, были ничуть не хуже, не беднее, чем у соседей. В отличие от предыдущих времен теперь очень большое число зданий служебного и культового назначения строилось из камня и кирпича, благодаря чему существование их на земле исчислялось несколькими столетиями. И если бы не частые разрушительные войны XVI–XX веков, наша страна сегодня имела бы неизмеримо большее архитектурное наследие, чем в действительности. Существенно обеднило его и целенаправленное массовое раз-

рушение церквей и костелов, синагог и мечетей советским атеистическим правительством Беларуси.

Господствующим художественным стилем в архитектуре являлось в те годы итальянское барокко. В этом прекрасном стиле были сооружены такие замечательные архитектурные объекты, как дворцы Сапегов в Ружанах, Хрептовича — в Щорсах, Радивиллов — в Несвиже, Николаевская церковь и костел кармелитов — в Могилеве, фарные костелы — в Несвиже и Гродно, собор Петра и Павла — в Витебске.

Никогда не считались с материальными и финансовыми средствами, если только возникала потребность пустить их на строительство, представители самого богатого и влиятельного на Беларуси магнатского рода Радивиллов. Один из них, Радивилл Сиротка, не пожалел денег — а их требовалось немало, — чтобы пригласить в конце XVI века для участия в строительном деле известного итальянского архитектора Джованни Бернардони, одного из последователей барокко. В сравнительно короткое время он построил в Несвиже костел иезуитов и коллегиум, принял участие в первом этапе сооружения Несвижского дворцово-замкового комплекса.

Хорошую память своим потомкам оставил магнатский род Сапегов. У них нашлись средства, чтобы возвести в 1666 году в Березе уникальный во многих отношениях монастырь ордена кармелитов. Равного ему монастыря не имелось на всей территории Речи Посполитой. Единственным аналогом в Европе являлся только монастырь на горе Святого Бернарда в Альпах Италии.

Хорошая осведомленность белорусских мастеров и архитекторов о том, что делали их коллеги в различных странах Европы, поспособствовала большому успеху в развитии садово-парковой культуры. В ряде мест Беларуси были заложены ренессансные (Альба около Несвижа, Мир) и барочные сады, десятки «регулярных» парков, родиной которых являлась Франция эпохи феодализма. Во время, когда гродненским старостой был Антоний Тизенгауз (60–80-е гг. XVIII в.), в этом городе на Немане создали великолепный сад, который превосходил все сады Вильно, Варшавы и Кракова. Семена и саженцы в гродненский сад поступали от самых известных ботаников Европы.

Непрекращающиеся разрушительные войны на территории Беларуси обязывали все время проявлять заботу о строительстве могущественных оборонительных сооружений. И здесь есть за что похвалить наших

архитекторов и мастеров, рядовых строителей. Желая обезопасить свое отечество от врага, они покрыли родную землю достаточно густой сетью объектов оборонительного характера. Среди них завидной неприступностью выделялся Ляховичский замок, надежно укрепленный бастионами и брустверами. Вокруг него был выкопан ров шириной в 15 м, который при необходимости заполнялся до краев водой, для чего пришлось специально соорудить плотину на местной реке Ведьма. Благодаря всему этому Ляховичскому замку удалось в 1660 году выдержать шестимесячную осаду московского воеводы князя Хованского, который имел богатый опыт овладения крепостями.

Совместная жизнь с поляками в одном федеративном государстве — Речи Посполитой — оставила свой след и на всех видах живописи. Надо сказать, что успехи в ее развитии и у белорусов, и у поляков достаточно велики и характеризуются портретной живописью. В людях, которые хотели оставить память о себе грядущим поколениям, не ощущалось недостатка. К их числу прежде всего принадлежали польские короли и великие князья литовские, крупные магнаты. Часто над созданием портрета кого-нибудь из них работали и белорусские, и польские мастера кисти. К сожалению, под портретами не всегда есть подписи авторов. Это же характерно и для многих живописных полотен иных жанров. Не отыщем мы подписей и под очень профессионально выполненными портретами Юрия Радивилла (вторая половина XV в.), Екатерины Слуцкой (1580), Януша Радивилла (1650), Александра Острожского (1660–1670), Михаила Казимира Огинского (после 1754 г.) и многих других хорошо известных в то время политических и культурных деятелей.

На новую ступень удалось выйти графическому искусству, прочные основы которого были заложены славным белорусским первопечатником и просветителем Франциском Скориной. Богатое наследие оставил несвижский гравер Томаш Маковский (около 1562 — около 1630), который в начале XVII века возглавлял в этом городе типографию и все делал для того, чтобы издаваемые в ней книги по своему полиграфическому оформлению отвечали самым высоким стандартам. На его гравюрах чаще всего были виды Несвижа, Вильни, Троков, Клецка и других городов Великого Княжества Литовского. Плодотворными для Томаша Маковского были годы, проведенные в столице Нидерландов Амстердаме, который на всю Европу славился своими типографиями. В одной из них наш земляк издал первую высоко достоверную карту Великого Княжества Литовского,

которая на протяжении продолжительного времени пользовалась широким спросом во многих странах Европы.

На уровне лучших европейских мастеров работали в области графического искусства могилевчане Максим Ващенко и его сын Василий (конец XVII – первая треть XVIII в.). Первому из них принадлежит 16 гравюр для книги «Монархия турецкая, описанная Рико» (Слуцк, 1678 г.) и 23 — для книги «Акофисты и каноны» (Могилев, 1683 г.). Младшему Ващенко широкую известность принесло изготовление титульных листов к книгам «Диоптра», «Небо новое», «Перла многоценное», «Книга житий святых» и др.

Замечательную страницу в историю белорусской культуры вписали мастера, талантливыми руками которых создавались широко известные тогда во многих странах Европы слуцкие пояса. Изготовляли их на Слуцкой мануфактуре, которую одно время возглавлял приглашенный Радивиллами армянин (по другим известиям — турок или венгр) Ян Маджарский, что не могло не наложить отпечатка на внешний вид изделий. Орнаменты их имели очень много общего с аналогичными изделиями из стран Ближнего Востока. Позже в слуцких поясах стал преобладать местный колорит. Основной частью орнамента служило изображение любимого в нашем краю цветка василька. Обязательным требованием являлось отмечать на краю каждого слуцкого пояса на старославянском и латинском языках место его изготовления. Кроме Слуцка их производством занимались в Несвиже, Кореличах, Ружанах, Лососно (около Гродно) и других населенных пунктах, включая даже польский город Краков. Однако где бы эти изделия ни изготавливались, они имели название «слуцкие». В конце XVIII века самая лучшая партия поясов Слуцкой фабрики демонстрировалась на парижской выставке и пользовалась очень большим успехом. Специалисты считают, что на территории Беларуси было произведено около 10 тысяч слуцких поясов, и сегодня их находится немало в музеях многих стран, но только не на родине.

Даже весьма краткое изложение достижений Беларуси в области культуры свидетельствует, что и в тех далеко не благоприятных условиях, ответственность за возникновение которых несут высокие пропольские светские и духовные власти Речи Посполитой, лучшие, наиболее сознательные круги нашего народа проявили незаурядные способности и большое, завидное упорство, чтобы противостоять мощному потоку полонизации, чего практически нельзя было избежать, живя в федеративном

государстве. Потери в национальном потенциале белорусской культуры оказались очень велики, но она еще до конца не утратила своей специфики и отличительности, сохраняла свое лицо. Постоянно встречая негативное отношение к национальным ценностям со стороны своих славянских братьев-поляков, особенно в части распространения белорусского языка в различных сферах духовной жизни, наши деятели культуры всегда высоко ценили важность самого тесного и многопланового культурного содружества со славянской семьей народов. Такое содружество для них всегда было на первом плане. Славяне на белорусской земле, независимо от того, восточные они, западные или южные, были самыми желанными гостями. Зная это, они не только охотно посещали ее, но и оставались здесь на постоянное жительство, быстро осваивали новую, но очень близкую для них по содержанию и форме белорусскую культуру и приступали работать на благо ее, что не грозило ассимиляции последней. Много взаимно полезного почерпнуто от культурного содружества белорусского и болгарского народов. Истории хорошо известно, насколько широко популярным начиная с 80-х годов XVI века в Болгарии было изданное в 1569 году в Заблудове Иваном Федоровичем (Федоровым) и Петром Мстиславцем «Учительское Евангелие». Из Беларуси в Болгарию, которая долгие годы томилась под властью Османской империи, регулярно поступали учебные пособия и разные книги церковно-богословного характера. Как только болгарам удавалось хоть немножко высвободиться из-под турецкого национального и религиозного гнета, оживить свою культурную деятельность, тогда уже и они стремились проявить инициативу налаживания сотрудничества с белорусами в этой области, как бы подавая пример полякам, как нужно славянским народам уважительно относиться друг к другу. У белорусских просветителей и гуманистов по-прежнему особенно большой популярностью пользовалась литература на древнеболгарском языке. Ее отдельные произведения, особенно сочинение Черноризца Храбра «О письменах», органической частью входили во многие учебники, по которым обучались наши дети.

Вконец не могли парализовать белорусско-русские культурные связи частые и совсем небезобидные войны, которые затевались правителями этих народов. Беларусь не раз ютила беглецов из Русского государства, когда они по каким-то причинам преследовались светскими и духовными властями. В нашем краю нашли себе надежное пристанище, вполне спокойную жизнь противники реформ российского патриарха Никона

(1605–1681), вошедшие в историю как староверы. Они получили право селиться на Гомельщине, где основали город Ветку, который со временем стал своеобразным уголком русской культуры в этой части Беларуси. Постоянное соседство с местным населением содействовало взаимообогащению белорусской и русской культур, не ущемляя интересов ни одной из них.

Выросла в сравнении с более ранним периодом роль еврейской культуры в духовной жизни Беларуси. Численному росту этой общины здесь содействовало переселенческое движение евреев в восточном направлении из Чехии, Германии и Италии, причиной которого являлась их дискриминация на самом государственном уровне. Своими погромами «подбросила» нам немало евреев соседняя Украина. В результате всего этого в 1766 году на белорусско-литовских землях проживало около 160 тысяч евреев. Селились они в основном в городах и местечках, что впоследствии наложило определенный отпечаток на их культурный облик. Несмотря на тесное окружение евреев местным населением, они прочно держались своих духовно-религиозных традиций, в сношениях между собой пользовались только родным языком. На нем же строила всю свою деятельность система образования. При таком уважительном отношении к духовному наследию предков евреям удавалось избегать культурно-языковой ассимиляции, даже постоянно находясь в иноэтническом окружении. Многие из них не отходили от своих традиций, обычаев, языка и тогда, когда по тем или иным причинам пожелали профессионально работать в интересах белорусской культуры. А такими примерами довольно богата наша история. Особенно заметна роль евреев в развитии белорусского театрально-музыкального искусства.

Из всех причин, которые заставляли евреев интегрироваться (но не ассимилироваться!) в белорусскую культурно-языковую стихию, пожалуй, наиболее существенной являлось самое распространенное среди них занятие — торговля. Вести ее приходилось преимущественно среди местного населения, что было бы невозможно без знания его языка. И им в той степени, как того вынуждала торговля, многие евреи владели. Не случайно поэтому в одной из комедий, написанной преподавателями риторики Зябельской гимназии (Полотчина) Марашевским и Тетерским, из всех персонажей по-белорусски говорили только местный крестьянин и корчмарь-еврей.

Совершенно иная картина сложилась в культурно-языковой жизни татарской общины. Потеря родного языка крайне отрицательно сказалась на всех сторонах ее развития. И это вполне понятно, ибо с исчезновением или резким ограничением социальных функций языка национальной деградации не удавалось и не удастся избежать ни одному народу, даже если он живет на своей этнической территории, является достаточно многочисленным. Всего этого были лишены белорусские татары. Избежать полного растворения среди белорусов, литовцев или поляков в наибольшей степени татарам помогло наличие у них самостоятельной религии — мусульманства. Правда, и здесь пришлось сделать определенные отступления от традиций опять из-за потери языка своих отцов. В качестве такого татары при переписке религиозных книг пользовалась старобелорусским языком, передавая его арабской графикой. Это вынужденное обстоятельство сделало многие поколения татар ВКЛ не только пассивными, но и активными носителями белорусского языка. И когда власти Речи Посполитой вопреки всяким цивилизованным правилам исключили последний из служебного делопроизводства, это существенно отразилось на языковом развитии белорусских татар. Для обеспечения потребностей своей духовно-религиозной деятельности они все чаще стали употреблять польский язык, что неизбежно углубляло процесс их ассимиляции. Однако архитекторам полонизации не удалось до конца провести эту линию среди белорусских татар. По степени полонизации они, как правило, находились на той же отметке, что и само местное белорусское население. Более того, нередкими были случаи, когда татары в отстаивании белорусского языка — языка своих священных книг — были более решительными, чем сами белорусы. В значительной мере сказывалась здесь достаточно серьезная дискриминация татар, на которую не раз осмеливались власти Речи Посполитой. Одно время они запретили не только строить новые мусульманские храмы, но и ремонтировать уже действующие, а они являлись главным средоточием всей национально-религиозной жизни татар. Подобная политика не могла не усилить их противостояние полонизации, главное острие которой всегда направлялось на родной язык коренного населения Беларуси, ставший таким же и для преобладающего большинства ее татарского меньшинства. В данной ситуации интересы последнего и белорусов полностью совпадали. Только если для татар насильственное насаждение чужой культуры и языка было переходом от одного вида ассимиляции (белорусизация) к другой

(полонизация), то белорусам с этим неприятным явлением приходилось сталкиваться впервые, причем довольно серьезно. На их духовные ценности посягнули политики, которые во время подписания в 1569 году Люблинской унии обещали, клялись уважать традиции и обычаи, культуру и язык всего населения Великого Княжества Литовского. Все эти обещания остались только на словах.

Какой бы тяжелой ни была жизнь белорусского народа в составе Речи Посполитой, это время никак нельзя назвать периодом сплошного упадка его культуры, вызванного целенаправленной политикой пропольски настроенных светских и духовных властей. Конечно, им удалось значительную часть белорусского этноса приучить жить согласно польским обычаям и нравам, пользоваться чуть ли не полностью чужими культурными ценностями. Но вместе с тем развитие белорусской культуры до конца не было приостановлено, особенно тех ее пластов, которые, с одной стороны, удовлетворяли запросы простых людей, с другой — постоянно обогащались при их самом непосредственном и активном участии. Время периода существования Речи Посполитой не прошло прахом для белорусской культуры, и это доказывает тот факт, что ее активные и пассивные носители приобрели богатый опыт сопротивления культурно-языковой ассимиляции. Без такой выучки наша культура вряд ли смогла бы уцелеть на новом этапе своей истории, который протекал под тяжелым прессом русификации.

4. ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК АССИМИЛЯЦИИ — РУСИФИКАЦИЯ

Начался этот этап, правда, не для всего белорусского народа, сразу же после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году. Тогда под свою власть царская Россия взяла восточные земли Беларуси. Такую акцию российские политики стремились оправдать тем, что эти земли якобы были заселены исконно русскими людьми православной веры, которых любой ценой предстояло спасать от все усиливающейся полонизации и окатоличивания. Коль население присоединенных с помощью силы восточных белорусских земель признавалось русским, так в духе русских культурных традиций последнего и строилась здесь вся жизнь. Природно

белорусское просто не признавалось, а все, что хоть в чем-то не походило на русские стандарты, объявлялось польским или сполонизированным.

Подходя вплотную к подведению русских устоев под духовную жизнь населения присоединенной территории, политики и верные им ученые вдруг обнаружили, что такие устои не очень-то прочны и надежны даже у Смоленщины, которая уже не одно столетие находилась под юрисдикцией Московского (Русского) государства. Вот почему в письме к князю Вяземскому императрица Екатерина Вторая высказывалась за то, что следует обрусить не только Малую Россию (Украину), Лифляндию и Финляндию, но и Смоленщину. И такая политика незамедлительно и масштабно воплощалась в жизнь, перекинувшись вскоре на Витебщину, Могилевщину и Гомельщину. После второго раздела Речи Посполитой в 1793 году руссификация широким потоком пришла на Минщину, после третьего в 1795 году — на всю остальную часть Беларуси, кроме Белосточчины, которая оказалась под властью Пруссии. Надежда некоторой части белорусского православного населения с помощью своих славянских братьев русских наконец-то выкарабкаться из ассимилятивного болота, а затем приступить к нормальному обустройству собственной культурной жизни лопнула, словно мыльный пузырь. На смену полонизации — как выяснится затем, только временно, — пришло ничуть не меньшее зло — русификация, которой очень тяжело было противостоять изрядно подорванному в результате столь продолжительной ассимиляции белорусскому организму. Истории не известно ни одного факта, чтобы в период царствования Екатерины Второй ее правительство хоть что-либо полезное сделало в интересах белорусской национальной культуры и образования. Если что-то и делалось для нашего края, так только ради насаждения в нем русских духовных начал. Это был большой просчет политики Екатерины Второй по отношению к одному из самых древних славяских народов. Возможно, она, как немка по происхождению, сама не была заинтересована в укреплении единства и дружбы внутри народов славянского этнического сообщества. Имей она почтительное отношение к последнему, не начался бы насильственный отрыв белорусов от родных традиций и культуры с целью сделать их по своему образу жизни подобными на русских. Такая ассимиляторская позиция не могла принести пользы ни русскому народу, ни всей славянской семье. Эта семья только тогда будет развиваться и процветать, когда развитие и процветание будет обеспечено каждому из ее членов. Всякое же стремление одного славянского народа поживиться за счет другого, по-

добного ему, под каким бы благовидным предлогом ни осуществлялось, не может быть оправдано. Если же в результате таких несправедливых отношений в семье славян какой-нибудь из народов постигнет этническая смерть, то это самое страшное преступление, неизмеримое с тем, если бы подобное произошло по вине неславянского народа. Польские власти вместе с католическим костелом совершали такую акцию над белорусским народом на протяжении всего времени существования Речи Посполитой. Теперь же на этот преступный путь стали государственные политики России и верная им русская православная церковь.

Правда, после смерти императрицы Екатерины Второй в ноябре 1796 года начался пересмотр русской политики на приобретенной от разделов Речи Посполитой территории. Коснулось это и всех сфер духовной жизни. Не желая обострять отношений с Европой, которая никак не могла смириться с уничтожением польско-белорусского государства, российские политики решили больше не вмешиваться в культуру, организацию деятельности учебных заведений на присоединенных территориях, предоставив это право польским панам и католической церкви, которые воспользовались им сполна.

В течение всего времени, когда на императорском престоле находились Павел Первый (1796–1801) и Александр Первый (1801–1825), шел, как и в период существования Речи Посполитой, типичный процесс полонизации коренного населения Беларуси. Если в чем-то разница и была, так только в интенсивности, более разрушительном воздействии на массы такого процесса. Польские ассимиляторы как будто предвидели, что это у них последний шанс, после чего, возможно, наступят новые времена. Поэтому они с такой завидной напористостью разрушали этнокультурные основы близкородственного им по историческому прошлому, духу и языку славянского народа, стремясь сделать его во всем похожим на себя.

Как и в прежние времена, этой сатанинской цели была подчинена вся деятельность системы образования, учреждений культуры, католической церкви. Последняя еще более усилила свою борьбу с очень близкой ей по многим приметам униатской церковью. И воевала главным образом потому, что униатское духовенство как только могло стремилось служить национально-культурным интересам белорусского народа, всячески ограждало его от ассимиляции. С такой политикой униатской церкви никак не могли примириться ни католический клир, ни польские помещики, хотя среди последних немало было лиц, корни которых глубоко входили в бело-

русскую почву. Прекрасно осознавая, как невыносимо тяжело белорусскому народу находиться в польских объятиях, к ему на помощь не пришли ни власти царской империи, ни русские прогрессивные общественные и культурные деятели. И как результат, к началу 30-х годов XIX века степень разрушения национального потенциала культуры белорусского народа оказалась еще более значительной, чем в последние годы существования Речи Посполитой или накануне смерти Екатерины Второй.

Убойная сила полонизации на белорусской земле стала постепенно ослабевать только после подавления восстания 1830–1831 годов. Однако там, где она ослабевала, укреплялись позиции не белорусского элемента, а русского, от чего нашей культуре нисколько не стало лучше. Более того, власти, замахиваясь на польский интерес, часто ударяли — и довольно ощутимо — по белорусскому. Они выслали из Беларуси немало инициативных, с высоким этническим самосознанием, образованных людей, что очень негативно сказалось на состоянии ее культуры. С ликвидацией в 1839 году униатской церкви белорусы лишились всякой возможности защищать свои интересы в опоре на духовенство, ибо католический клир в Беларуси был средоточием всего польского, православный — всего русского. Ни католическое, ни православное духовенство не смотрело на белорусов как на самобытный народ. Для первого они были поляками, для второго — русскими.

Еще более усилилась русификация духовной жизни коренного населения нашего края после подавления восстания 1863–1864 годов, которым руководил Кастусь Калиновский. Самым страшным и коварным ударом по культуре было официальное запрещение в 1867 году использовать белорусский язык для издания всех видов литературы, где он уже начал было пробивать себе дорогу. Что касается такой судьбоносной сферы, как просвещение, то здесь и ранее, и теперь его не допускалось вводить даже в первоначальное образование. Если в прежние времена где-то и звучал белорусский язык на уроках, так это только в униатских учебных заведениях, которые после 1839 года были упразднены. Через как можно более полное ограничение социальных функций белорусского языка власти царской империи стремились всех его природных носителей русифицировать. Им не удалось до конца это совершить только потому, что язык сохранялся, жил, был очень уважаемым на семейно-бытовом уровне. И главным охранителем природного, живого белорусского языка остава-

лось сельское население, каким тогда являлось абсолютное большинство коренных жителей нашей земли.

Полное выведение белорусского языка из общественной жизни очень усложнило развитие нашей культуры и окончательно законсервировало те ее пласты, которые базируются на лингвистической основе. На десятилетия умерли национальная система просвещения, художественная, научная и публицистическая литература, печать, театральное искусство, на чужих культурно-языковых традициях строилась церковно-религиозная жизнь. Во всем здесь господствовали привнесенные извне русские и польские начала. Белорусская земля перестала быть местом создания и развития национальных духовных ценностей в их профессиональном срезе. Ее культура сохранялась и развивалась только на фольклорном уровне, что грозило ей ассимиляцией, обрекало белорусский народ на этническое вымирание.

Пользуясь государственной поддержкой, русская культура начинает уверенно теснить на белорусской земле польскую, хотя она здесь и успела очень сильно укрепить свои позиции. К концу XIX века окончательно было вытолкнуто все польское из практики официальных учебных заведений. По части русификации молодых поколений белорусов не было ничего равного этой акции. Создалась крайне парадоксальная ситуация: чем более высоким уровнем образования владели те или иные лица белорусской национальности, тем более они оказывались оторванными от своих корней. Вместо пользы построенная на чужом фундаменте система образования приносила только вред. Не случайно власти не жалели средств на ее развитие.

Существенно пришлось потесниться польскому элементу и в литературной жизни Беларуси. Кроме действенных шагов развития здесь русской полиграфической базы многое делалось для наполнения литературного рынка в этом уголке империи книгами и периодическими изданиями, что выходили в ее внутренних губерниях. Содержащиеся в такой литературе исторические, этнографические, краеведческие материалы нисколько не содействовали утверждению у белорусов взгляда на себя как на самобытный народ. Скорее наоборот, такая литература гасила это святое чувство.

Все более русский колорит приобретала профессиональная театрально-музыкальная жизнь в Беларуси. Что-либо национальное внести в нее серьезно никто и не помышлял. Если не хватало материальных и финансовых средств для строительства стационарных театров, для создания и

содержания оркестров, их функции возлагались на артистов-гастролеров. Их немало приезжало из России в Беларусь, и они несли сюда свою культуру. Заслуживает быть отмеченным, что и в таких неблагоприятных условиях наша земля не переставала рождать таланты в самых различных жанрах театрально-музыкального искусства, жаль только, что не по своей воле им приходилось работать на пользу польской или русской культуры, ибо родная находилась в загоне. Замечательного мастера игры на гитаре Марка Соколовского (умер в 1883 г.) хорошо знали не только на родине, но и в Италии, Франции, Англии, Германии и в других странах Европы. Его коллеге, к тому же еще и композитору, Михаилу Ельскому аплодировали в городах Польши и Германии, в соседней Украине. Никогда не забывал он и о своих земляках, среди которых всегда имелись любители послушать игру на скрипке или ином музыкальном инструменте. По случаю пятидесятилетия своей концертной деятельности Ельский устроил в 1902 году большой спектакль в родной деревне Дудичи Игуменского уезда.

Смелую попытку пробить брешь в профессиональной польско-русской театрально-музыкальной жизни в Беларуси предприняли ее славные дети композитор Станислав Манюшко и писатель Винцент Дунин-Марцинкевич, поставив в 1852 году в Минске на белорусском языке комическую оперу «Селянка» («Сельская идиллия»). Это воочию доказало польским и русским ассимиляторам, что и на белорусском языке могут создаваться такие сложные музыкальные жанры, как опера. И тем не менее перед белорусским словом оставались наглухо закрытыми все театральные двери.

Очередные шаги по созданию национально-белорусского профессионального театра удалось предпринять только после революции 1905–1906 годов, когда царское правительство решило несколько ослабить угнетение всех нерусских народов, снять запрет с пользования ими своим родным языком. Такой ситуацией решили воспользоваться и в Беларуси. В числе тех первопроходцев, кто на ее земле закладывал национальный профессиональный театр, были Франтишек Алехнович, Алесь Бурбис, Игнат Буйницкий, Флориан Жданович. Начинался же он любительскими кружками и труппами, с которыми охотно сотрудничали белорусские писатели. Остановить шествие национального театра по родной земле не смогли даже события Первой мировой войны. В самый разгар ее, в марте 1917 года, в Минске создается Первое товарищество белорусской драмы и комедии. Ничто так не нравилось белорусам в его представлениях, как спектакли национальных авторов: «Павлинка» и «Раскиданное гнездо»

Янки Купалы, «Сегодняшние и давние» Констанции Буйло, «Модный шляхтич» Каруся Каганца. Не чуждалось Товарищество показа спектаклей русской, польской, украинской и западноевропейской драматургии.

Успели заявить о себе оригинальными, рожденными на местном материале произведениями многие белорусские композиторы. Перу А. Абрамовича принадлежат программное музыкальное сочинение в восьми частях «Белорусская свадьба», кадриль на темы белорусских мелодий «Шесть времен года». Около сотни музыкальных сочинений, в том числе два скрипичных концерта, несколько очень мелодичных полонезов, мазурок, скрипичных сонетов-фантазий, создано уже упомянутым выше композитором Михаилом Ельским. Причем в некоторых из них использованы белорусские народные мелодии, чаще всего записанные на родине композитора. Благодаря стараниям И. Шадурского в 1910 году была создана белорусская музыкальная комедия «Тарас на Парнасе» на текст одноименной поэмы, широко популярной к тому времени в кругу не только образованных, но и многих простых людей.

Под благотворным влиянием идей национально-культурного Возрождения все больше стали осознавать свою роль в духовном развитии белорусского народа мастера художественной кисти. В их картинах сполна и довольно реалистично отражены история и современность белорусского края. Особенно плодотворно поработал над этим участник восстания 1830–1831 годов Наполеон Орда. Как никому другому, ему очень хорошо удавались зарисовки известных архитектурных объектов, памятных исторических мест, городских пейзажей, к примеру: «Минск, Соборная площадь», «Свислочь», «Гродно», «Освея», «Кревский замок», «Новогрудок».

Очень манила к себе белорусских живописцев родная природа, красотой которой просто нельзя было не восхищаться. К счастью, в то время еще цивилизация не оставила на ней своего кровавого следа. Чаще других к родной природе обращали взоры талантливые мастера кисти братья Апполинарий, Ипполит и Гилярий Горавские, получившие образование в Петербургской академии искусств. Первый из них является автором замечательных картин: «Болото», «Липы», «На родине» (написана в д. Бродец Минской губернии), «Вид дубравы около Бобруйска», «Пинские болота», «Река Березина», «Свислочь», «Вечер в Минской губернии».

Менее свободными в выборе тематики были белорусские архитекторы, потому в их практике не всегда в должной мере присутствовали нацио-

нальные традиции. Приходилось все делать так, как заказывали их хозяева. А ими были присланные из России чиновники, местные помещики, которые все еще кичились своим якобы польским происхождением. Разумеется, были среди них и настоящие поляки. Чиновников интересовали в архитектуре более всего русские начала, помещиков, руководителей католической церкви — разного рода европейские стили. Всего этого нельзя было не учитывать тем, кто посвятил себя архитектурному делу. В ряде мест оно целиком находилось в руках присланных в наш край русских архитекторов. Именно по их проекту был возведен в Могилеве в конце XVIII века Иосифовский собор (архитектор Н. Львов). Белорусские черты видны были только в тех архитектурных объектах, что возводились при совместном участии местных и приезжих специалистов. Примером такого содружества могут служить сооруженные в Гомеле главный корпус дворцового ансамбля, который принадлежал русскому князю полководцу Петру Румянцеву-Задунайскому, и Петропавловский собор. Совсем не украсили наш край спешно построенные православные или реконструированные под них униатские храмы. Поскольку наибольшая часть таковых возникла во время, когда главным начальником Северо-Западного края был Михаил Муравьев, прозванный за жестокое подавление восстания 1863–1864 годов «Вешателем», их в народе называли «муравьевками».

Во многом отличными от вышеупомянутых были сооруженные для католической церкви и помещиков этой конфессии храмы и дворцы. В зданиях культового назначения теперь уже преобладал заимствованный в странах Западной Европы готический стиль. Ярким примером этого могут служить минский костел на Золотой горке, костелы в Молодечно, Полоцке и других городах.

Как положительное следует отметить, что Беларусь всегда умела беречь, использовать в интересах дела созданные ее талантливыми людьми духовные и материальные ценности. Если же многих из них мы недосчитываемся, то причину следует искать в разрушительных войнах, действиях тех лиц, которые не были заинтересованы в том, чтобы белорусы владели богатым культурным наследием. Вместе с тем далеко не редки случаи, когда в роли надежных охранителей его выступали искренне влюбленные в свой край материально обеспеченные, состоятельные люди. Среди них с полным основанием можно назвать представителя одного из известных в Беларуси родов Тишкевичей Пия Тишкевича (1756–1858) из Логойска. В созданной им художественной галерее находилось большое количество

ценных произведений живописи, медалей и монет, древних рукописей и карт, льняных изделий Логойской фабрики. Начатое Пием Тишкевичем дело продолжили его сыновья Евстафий и Константин, владевшие в Вильно частным музеем, основную часть экспонатов которого привезли из Логойского археологического музея. Судьба у музея оказалась несчастливой: генерал-губернатор Михаил Муравьев признал его одним из центров польской интриги и отдал указ о закрытии. Значительную часть экспонатов музея отправили в Москву.

Пример бескорыстной заботы о культурных, относящихся к давним временам ценностях показывал хорошо известный историк, экономист и писатель Александр Ельский. В принадлежавшем ему музее (поместье Замостье Игуменского уезда) насчитывалось около 20 тысяч рукописей, 7 тысяч книг (из них и изданные в XVI в.), более 2 тысяч гравюр и картин, большое количество записей белорусского фольклора, диалектной лексики, разных уникальных, ценных предметов, в том числе и слуцких поясов.

Не обошел стороной Беларусь и такой новый и очень перспективный вид искусства, как кино. Его значение очень скоро оценили прогрессивные круги общества и трезво мыслящие чиновники городских органов власти. Особенно преуспевал в этом город Минск, где уже в 1903 году с помощью синематографа Люмьера стали демонстрироваться «живые фотографии». Годом рождения стационарного кино в этом городе принято считать 1907 год, когда обрусевший немец Р. Штремер на углу улиц Губернаторской (ныне улица Ленина) и Захарьевской (пр. Независимости) открыл театр «Электробиограф». Каких-либо попыток приблизить кино к местной белорусской проблематике, использовать белорусский язык при передаче происходящих в фильмах действий не установлено. Кино пришло в наш край как средство распространения чуждой для него культуры, и это понятно, поскольку даже все традиционные профессиональные жанры культуры очень мало считались или совсем не считались с национальными интересами его коренного населения.

Такое незавидное положение природно-белорусской культуры на ее этнической территории не могло не волновать всех тех, кто еще окончательно не потерял историческую память, не отошел от своих духовных традиций. Люди все больше и больше начинали понимать, что с потерей родной культуры и переходом на чужую происходит кончина, смерть народа как такового. Потеряв свою этнокультурную самобытность, он по частям растворяется среди тех народов, на чью культуру перешел, чьим

языком начал пользоваться. Многие народы Европы не соглашались с такой судьбой и на протяжении не одного столетия вели активную борьбу за свое освобождение. Особенно обострилась она в XIX – начале XX века, что свидетельствовало о возрастании национального самосознания народов полиэтнических государств. Рано или поздно знамя национально-освободительного движения должны были подхватить и в Беларуси, которая на протяжении всей своей истории была тесно связана с Европой, особенно в области культуры.

Стержнем национально-освободительного движения в Беларуси конца XIX – начала XX века была борьба за право строить свою духовную жизнь в полном соответствии с ее природной культурой и языком. Это законное требование активистов движения было горячо поддержано многими национальными организациями и партиями, широкими массами народа, которого, к счастью, еще не удалось целиком полонизировать и русифицировать. Практически на всех конференциях и съездах, где обсуждалось будущее белорусской нации, поднимался вопрос о состоянии ее культуры и языка, деятельности учреждений образования. Историческим завоеванием участников национально-культурного Возрождения следует признать получение от царских властей согласия на открытие с 1914/15 учебного года начальных школ с белорусским языком обучения. Сделать это в том году помешала война с кайзеровской Германией. Однако от мысли о школе на родном языке белорусы с высоким гражданским и национальным сознанием не думали отказываться и в этих экстремальных условиях. Первые белорусскоязычные школы были созданы в 1915 году в оккупированном немецкими интервентами Вильно. Война не стала препятствием для национального оживления и на других участках культуры. В решающей степени это обеспечивалось не какой-то заботой государственных властей, а почти исключительно вниманием самих людей к вопросам национальной культуры.

5. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕЛО ОПОРУ

На государственном уровне о белорусской культуре всерьез стали заботиться только с марта 1918 года, когда была создана Белорусская Народная республика (БНР). Самой положительной оценки заслуживает незамедлительное наделение ею белорусского языка статусом государственного и принятие решительных, действенных мер по созданию национальной системы образования, ибо не приведя в движение эти два фактора, нельзя ни на шаг сдвинуть с места реализацию проблемы спасения народа от ассимиляции с последующим его возрождением и развитием.

Рада БНР как только могла способствовала сохранению Первого товарищества белорусской драмы и комедии, у которого крайне острая нужда была в финансовых средствах. Особенной популярностью в народе пользовались выступления входящих в его состав хора (руководитель Б. Теровский), оркестра народных инструментов (З. Захар), танцевальной группы (Ч. Родевич). Много посетителей собиралось на спектакли и концерты, что организовывались в «Белорусской хатке» в Минске. Одно время здесь выступала и труппа Франтишка Алехновича. Славился Минск и открытием в мае 1918 года в Ляховке Белорусского народного дома имени Максима Богдановича, который в скором времени стал основой Белорусского государственного театра БНР. Понимая, как важно охватить культурным процессом широкие народные массы, при первой же возможности организовывались выезды театральных коллективов из городов в деревни, где их всегда радостно встречали. Простым людям очень нравилось, что спектакли им показывали на родном белорусском языке, и притом еще очень близкие по своей тематике к местной жизни. Распространение в народе лучших достижений национальной культуры способствовало его пробуждению, помогало хотя бы на короткое время забыть о тяготах немецкой интервенции.

Приоритетное внимание БНР к культуре коренного населения края нисколько не значило, что должны оставаться вне сферы государственной политики вопросы духовной жизни представителей других национальностей. Насколько позволяли условия, заботились и о них, в первую очередь о евреях, русских, поляках как наиболее многочисленных и давно здесь живущих. Так что политику БНР в области культуры никак нельзя

назвать националистической в большевистском понимании этого слова. Не была она и буржуазной, потому что учитывались интересы культуры белорусского народа в целом, а не только его привилегированных слоев.

После всего того положительного, что было сделано БНР в области национальной культуры, не могла не считаться с ней и советская власть, вторично утвердившись в Минске после ухода отсюда кайзеровских войск. Времени у нее из-за приближения очередной, уже польской, интервенции не было. Но все же кое-что удавалось сделать. Созданный в январе 1919 года Народный Комиссариат просвещения БССР тут же приступил к организации школ с белорусским языком обучения в дополнение к тем, которые уже имелись. В том же месяце начались занятия в Минской консерватории. Советская власть не только не чинила препятствий, а наоборот, способствовала деятельности созданных ранее театральных коллективов, успевших благодаря высокому профессиональному мастерству, верности белорусским национальным традициям снискать себе популярность среди ценителей искусства. Это в полном объеме можно отнести и к Первому товариществу белорусской драмы и комедии, в работу которого удалось вовлечь немало талантливых артистов. Репертуар его был уже в полную меру насыщен спектаклями на национальную тематику. Как всегда, с большим успехом шли постановки: «Павлинка» и «Раскиданное гнездо» Янки Купалы, «Антось Лата» Якуба Коласа, «Модный шляхтюк» К. Каганца. В этом Товариществе успел сформироваться не только как артист, но и как режиссер Владислав Голубок. Здесь шли его пьесы «Писаревы именины», «Последнее свидание», «Безвинная кровь».

Деятели культуры не отказались от национальной идеи и тогда, когда с весны 1919 года нашу землю начали прибирать к рукам новые «хозяева» — поляки. Утвержденные ими порядки нисколько не способствовали дальнейшему шествию белорусского национально-культурного Возрождения. У польских оккупантов были совсем иные цели, с которыми, однако, не желали считаться те, кто посвятил себя служению национальной культуре. Оказываемое на этом участке сопротивление завоевателям было не менее важным, чем борьба с ними партизан и подпольщиков, ибо оно учило всех и каждого любить, ценить родную культуру, ускоряло, усиливало национальное самосознание людей. Истории известны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что и в тех крайне неблагоприятных условиях работали разного рода драматические, инструментальные, танцевальные коллективы, сами народные массы с большой охотой участвовали в

проведении вечеров художественной самодеятельности, в обязательном порядке отмечали национальные традиционные праздники. Для пробужденных к активной национально-культурной жизни людей просто не существовало и не могло существовать непреодолимых препятствий. Такое случается практически с каждым народом, если его лидерам удается втянуть в национально-культурное Возрождение основные слои населения. Белорусским лидерам, которых мы вполне заслуженно называем самыми возвышенными словами, это сполна удалось тогда. Вот почему возрожденческие процессы не останавливались даже в период оккупации, вот почему с ними должны были если не полностью, то в значительной степени считаться все власти, которые в то время утверждались в нашем крае. Не было выбора и у большевиков после того, как им в июле 1920 года удалось освободить Минск от поляков и второй раз провозгласить о создании Белорусской Советской Социалистической Республики. С этого времени белорусская культура на протяжении ряда лет успешно обогащала свой национальный потенциал, что делало ее во всех отношениях более самобытной и оригинальной, помогало снять грязные пятна, нанесенные на ее организм разного рода полонизаторами и русификаторами. Усиление национального фактора в духовной жизни белорусов делало даже менее заметным, не таким действенным то социалистическое содержание, которым всегда очень настойчиво стремились насытить ее. Большевистская партия придавала большое значение такому содержанию, несравненно большее, чем национальной форме культуры. И все же, благодаря огромным усилиям причастной к культуре интеллигенции, национальная окраска ей вполне обеспечивалась.

Большие приобретения удалось совершить в интересах белорусской национальной культуры в годы, которые известны в нашей истории как период белорусизации. По времени возникновения ее безошибочным было бы отнести к тем годам, когда у нас началось национально-культурное Возрождение, ибо последнее как раз и есть не что иное, как насыщение всех сфер нашей жизни своим родным, белорусским. Официально же сделали белорусизацию государственной политикой, причем политикой самого высокого ранга, с июля 1924 года. Это было специально оговорено в принятом Центральным исполнительным комитетом (ЦИК) БССР постановлении. Подобного содержания документ был принят и ЦК КП(б)Б. В итоге белорусизация стала делом не только государственных и партийных органов, а благодаря их усилиям и авторитету — и всех остальных

структур. Главное же, что эту идею удалось сделать близкой и понятной широким кругам общественности, без чего невозможно достичь желаемого успеха в таком важном деле, как национально-культурное Возрождение.

Основное острие политики белорусизации было направлено на как можно более широкое внедрение родного языка коренного населения во все сферы деятельности. Причем самые короткие сроки его внедрения были определены для республиканских органов государственной власти, что должно было бы ускорить этот процесс в подчиненных им структурных подразделениях. Так и получилось на практике.

В соответствии с политикой белорусизации очень четко, с большой логичностью были определены мероприятия по созданию национальной системы образования. Учитывая высокую степень и русификации, и полонизации населения, в том числе и интеллигенции (не исключая педагогической), государственные и партийные органы, не желая совершить ошибку, принять неправильное решение, не стали спрашивать самих учащихся, родителей через референдум или какие-либо иные формы о языке преподавания для учебных заведений. Правильно ответить на этот вопрос могли только высокоэрудированные люди, хорошо знающие законы развития человеческого общества, не лишенные такого благородного качества, как национальное самосознание. И они нашли правильный ответ на поставленный белорусским национально-культурным Возрождением вопрос: система образования в БССР должна быть в полном смысле слова национальной, белорусизацию следует проводить параллельно во всех типах учебных заведений, начиная от самых низших и кончая самыми высшими, что позволит избежать нестыковки в языке обучения между ними.

Поднятие роли белорусского языка в сфере деятельности государственных и партийных, профсоюзных и комсомольских органов, административно-хозяйственных служб и — что не менее важно — во всех типах учебно-просветительных учреждений очень поспособствовало его интенсивному продвижению во все остальные звенья нашей жизни, в частности в культуру. В любой ее отрасли, где важное место всегда отведено лингвистическому фактору, чувствовалось усиление роли белорусского языка. Не в малой степени это достигалось благодаря целенаправленной деятельности государственных и партийных органов, исходящей из требований политики белорусизации.

Несомненным достижением тех лет с полным правом можно признать деятельность наших театров, которая очень тесно, органически была

интегрирована в процесс тогдашнего национально-культурного Возрождения, во многом предопределяла все успехи на этом историческом пути. Эталоном национального в театральном искусстве служил созданный в сентябре 1920 года в Минске на базе Первого товарищества белорусской драмы и комедии Белорусский государственный театр, который с 1926 года стал называться Белорусским первым государственном театром (БГТ-1). Его коллектив, искренне желая внести свой весомый вклад в воплощение белорусской идеи в жизнь, просто не мог не отдать преимущества всему тому, что служило достижением этой цели. Руководство театра, режиссеры заботились о том, чтобы в нем ставились те пьесы, которые глубоко и реалистично отражают историческое прошлое и современную жизнь белорусского народа, содействуют воспитанию у него чувства прекрасного, учат любить и уважать родную культуру, быть ее активным и сознательным носителем. Этому как нельзя лучше содействовали пьесы, принадлежавшие перу белорусских авторов. Недостатка в таковых никогда не ощущалось в репертуаре БГТ-1, тем более в годы, которые пришлись на время белорусизации. И это вполне отвечало вкусам искренних ценителей национального театрального искусства.

Прививалась, хотя, быть может, и не с таким размахом, местная, национальная тематика в практике созданного в ноябре 1926 года в Витебске Белорусского второго государственного театра (БГТ-2). А такая тематика была крайне необходима, поскольку Витебск, находясь вблизи центральных русских губерний, испытал в большой степени денационализацию культурной жизни и к тому же был включен в состав БССР только в 1924 году, когда ее города уже достигли определенного успеха в национально-культурном строительстве. Из пьес белорусских авторов в БГТ-2 шли «Преисподняя» В. Шашалевича, «Около трассы» М. Громыки, «Пинская шляхта» В. Дунина-Марцинкевича, «Модный шляхтюк» К. Каганца и др.

Невозможно переоценить все то полезное, что сделал для пробуждения, расцвета национально-духовной жизни белорусского народа созданный в августе 1920 году в Минске В. Голубком театральный коллектив. Вначале он носил название «Труппа Голубка», с 1921 года — Вторая белорусская государственная труппа, с 1926 года — Белорусский государственный передвижной театр, с 1932 — Белорусский третий государственный драматический театр (находился в Гомеле). Строго следуя народным традициям Первой белорусской труппы Игната Буйницкого, В. Голубок на первое место в творческой деятельности своих трупп и театров ставил показ спекта-

клей, которые в наибольшей степени отражают события, непосредственно связанные с нашей жизнью, с ее прошлым и настоящим. Основными зрителями спектаклей являлись не элитарные, образованные круги общества, а представители самых широких слоев населения — крестьяне, рабочие и ремесленники. И это было очень правильное решение, ибо чтобы придать национально-культурному Возрождению всеобъемлющий характер, сделать его действенным фактором всей жизни, необходимо, чтобы оно опиралось на как можно большее число людей. Театр В. Голубка, благодаря чудесной игре артистов, тщательному подбору репертуара, частым гастролям в города и деревни республики, оказался вполне способным внести большую лепту в решение данной проблемы. Среди наиболее типичных спектаклей театра на местную, национальную тематику можно назвать, конечно, те, что написаны самим руководителем этого театра: «Ганка» (показывался около 500 раз), «Пан Сурынта», «Безвинная кровь», «Суд», «Плотогоны», «Писаревы именины», «Пинская мадонна». Ярким свидетельством величайшего вклада тех, кто работал вместе с В. Голубком, в обогащение культурной жизни, прежде всего периферии, может служить такой факт, что за период с 1920 по 1928 год было показано около двух тысяч спектаклей, дано 300 концертов. Будучи всерьез заинтересованным в национально-культурном возрождении страны, государство одному из самых замечательных его сынов В. Голубку присвоило звание народного артиста БССР. Такого звания до этого еще никто не имел.

Приобщению широких народных масс к национальной культуре содействовала достаточно большая забота государственных и партийных органов, общественности о развитии самодеятельного театрального искусства. Его роль в совершенствовании эстетического вкуса, национально-культурного воспитания была особенно велика до проникновения в него революционной, социалистической, партийно-большевистской тематики. В самый разгар белорусизации этого практически не наблюдалось. Те, кто приходил на спектакли самодеятельных артистов, не видел в их игре совершенно неоправданного восхваления не существовавших тогда достижений социализма. Людям старались более всего показывать то, что их окружало в повседневной жизни или имело отношение к прошлому их родины. Причем показывали максимально приближенным к реальности, иначе можно было оттолкнуть зрителей. Неписанным правилом в то время являлось ставить на сценах самодеятельных, не говоря уже о

профессиональных, театров пьесы на белорусском языке, что отвечало интересам национально-культурного возрождения нашего края, органически вписывалось в содержание и характер самой политики белорусизации.

Духу, требованиям национальной жизни в достаточно полной степени отвечала деятельность музыкальных, музыкально-вокальных коллективов. А здесь было что показать нашему народу. Он всегда славился своими музыкальными и певческими способностями, только власти не давали возможности им проявиться. С переходом к белорусизации отношение к этому начало в корне меняться, что неизбежно вело к успеху и на данном участке духовной культуры. Шаг за шагом самодеятельное творчество музыкальных, хоровых и танцевальных коллективов перерастало в профессиональное. С 1924 года в ряде городов стали создаваться небольшие симфонические оркестры, в репертуар которых включались самые сложные произведения западноевропейских и русских композиторов. Первыми из белорусских композиторов, чьи сочинения стали исполнять отечественные симфонические оркестры, были сравнительно молодые тогда Г. Пукст, Н. Аладов.

В вопросах поднятия культурного уровня народа, воспитания его в духе уважения и любви к родному краю большие надежды справедливо возлагались в те времена на кино, которое пользовалось популярностью у людей самых разных профессий. Оттого, что оно притягивало к себе внимание такого огромного числа людей, очень важным было придать этому виду искусства настоящий национальный колорит, иначе вместо пользы оно принесло бы совершенно противоположные результаты. Этот момент в должной мере учли и государственные службы, и те, кто был занят созданием кинофильмов. Поэтому первый белорусский художественный фильм «Лесная быль» (режиссер Ю. Тарич), который появился на экранах в 1926 году, был не только посвящен местной тематике, но и демонстрировался на национальном языке. То же самое можно сказать и о созданной в 1928 году художественной ленте режиссера В. Гардина «Кастусь Калиновский». Белорусский язык использовался при дублировании фильмов. Словом, этот новый вид искусства во всем отвечал требованиям национальной культуры, и мало кто думал, что могут наступить совершенно иные времена, когда создаваемые или приобретенные Беларусью художественные фильмы будут служить не обогащению ее национального духовного потенциала, а наоборот, размыванию последнего, а это значит — самым негативным образом влиять на этническое самосознание народа,

делать его в известной степени носителем той культуры, на языке которой демонстрируется эта продукция.

Белорусизация не только активизировала, но и значительно приблизила к национальной тематике художников, скульпторов и в какой-то степени архитекторов. Их обращение к самым замечательным событиям и фактам, которые имели место в далеком и не очень далеком прошлом, помогло людям лучше познать свою историю, убедиться, что и среди наших соотечественников было немало выдающихся деятелей, которые внесли большой вклад в развитие культуры и науки. Для воспитания у людей любви к родному краю немало сделали мастера живописи, которые посвящали свои полотна неповторимой красоте его пейзажей.

Верилось всем и каждому, что государство, общественность нашли в белорусизации тот архимедов рычаг, с помощью которого можно будет наконец вывести белорусский народ на широкую магистраль самобытного национально-культурного развития, устранить с пути все, что мешало ему, навсегда распрощаться с любыми — открытыми и замаскированными — формами культурно-языковой ассимиляции. Давно наш народ не переживал такого мощного национального подъема, как в самые лучшие годы белорусизации. И на опыте БССР воочию подтвердилось: если народ понял национальную идею, проникся ею разумом и сердцем, он способен совершать чудеса, преодолеть любую степень ассимиляции. А так глубоко, искренне проникнуться национальной идеей народ может только тогда, когда она воплощена в государственную политику, занимает в ней главенствующее положение.

Белорусизация выявила и такую непреходящую по своему значению закономерность: чем полнее удовлетворяются культурные запросы коренного населения страны, тем большего духовного прогресса добиваются ее национальные меньшинства. То, что имели в период подъема белорусизации евреи, поляки, латыши, литовцы, немцы и другие, они это очень скоро потеряли, как только замедлился, а потом пошел на спад процесс национально-культурного Возрождения белорусского народа.

Святой идеал Возрождения, который приобрел в Беларуси такой размах на рубеже XIX–XX веков, не умер и в той ее части, которая после грабительского Рижского договора 1921 года отошла под власть Польши. Ее политики и верные им интеллигенты очень быстро забыли, как неуютно чувствовали себя поляки, сталкиваясь на каждом шагу с русификацией. Казалось, сполна изведав ее «сладости», новое польское государство будет

очень почтительно относиться ко всем без исключения своим народам и особенно к белорусам, которые здесь были не гостями, а хозяевами, потому что жили не на чужой, а на своей, исконно родной земле. Но не тут-то было. Терпеливо сносили их не более трех-пяти лет, а затем обратились к тому, что прочно вошло в нашу историю под названием «полонизация». Крайне шовинистически настроенный министр иностранных дел Польши Бек такими словами оправдывал ее: «Мы закрываем в Западной Беларуси школы и заменяем их польскими потому, что белорусы — народ отсталый... белорусский язык неразвитой и мало пользы приносит он тем, кто им владеет и кто на нем учится». В унисон с Беком мыслил и поступал сам начальник государства Польского Юзеф Пилсудский, заявляя, что язык белорусов «является настолько тяжелым и неразработанным, что он не может быть языком школы и органов управления». Вот та ложка дегтя, которая делала и делает неприятным на вкус мёд из белорусской бочки. Занесли же сюда эту политику польские или русские ассимиляторы.

Совсем не так, как Бек и Пилсудский, смотрело на свое национальное предназначение коренное население Западной Беларуси. В отстаивании права на самобытное национальное развитие оно нисколько не отставало от своих кровных братьев и сестер в БССР, хотя добиваться этого приходилось в несравненно более тяжелых условиях. Не будем забывать, что в Польше по линии государственных органов практически ни одного серьезного шага не было сделано по поддержанию белорусской национальной культуры и образования. Их состояние почти целиком и полностью зависело от усилий, желаний самого народа. И он делал просто невероятное: в условиях настоящего геноцида стремился сохранить себя как целостное этническое сообщество. Белорусы межвоенной Польши убедительно показали, что все же можно и вопреки государственной антинациональной политике жить в соответствии со своими традициями и в семьях, в кругу близких и знакомых получать то, чего не дают официальные учреждения культуры и образования. Необходимую для сопротивления полонизации силу население Западной Беларуси черпало из тех достижений, которые в те годы так характерны были национально-культурному Возрождению БССР.

6. НА ПУТЯХ К ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ

Триумфальное шествие национально-культурного Возрождения Беларуси захлебнулось на рубеже 20–30-х годов. Белорусизация шагнула так далеко вперед, что напугала многих из тех, кто раньше спокойно относился к ней и даже содействовал. Не радовала она и партийный центр в Московском Кремле. По его указке началась борьба с надуманным антисоветским движением в Белоруссии — национал-демократизмом. Безусловно, когда по линии прежде всего самих высоких партийных органов республики начали сознательно сдерживать ход белорусизации, отдавать явное предпочтение интернациональному над национальным, это не могло не вызвать неудовольствия самых активных и сознательных носителей белорусской культуры. Называть же их врагами советского народа, агентами иностранных разведок, а после этого подвергать еще и разного рода наказаниям не было никаких оснований. Спецслужбы, выполняя волю большевистской партии, не хотели считаться с этим. В БССР началось массовое преследование «нацдемократов», абсолютное большинство из которых было людьми с самым высоким гражданским долгом и национальным самосознанием, наиболее теоретически грамотными, всецело отданными белорусизации. После снятия их с занимаемых должностей и изгнания в дальние края страна лишилась самых полезных и нужных ей людей.

Борьбой с «нацдемовщиной», естественно, наносился прямой, огромной силы удар по белорусскому национально-культурному Возрождению. Оно заметно уменьшило свое положительное воздействие на национально-духовную жизнь, но не сошло со сцены. Не сошло потому, что у народа было слишком большое желание развиваться на своих природных началах, пользоваться собственными достижениями в области культуры, слышать везде и повсюду родную речь, учить детей в национальных школах, высших и средних специальных учебных заведениях. Очень важно, что такой позиции в отношении родной культуры и языка кроме национально сознательной части интеллигенции придерживались многие государственные и партийные деятели, руководители наркоматов и ведомств, предприятий и учреждений. Поэтому на многие освобожденные от «нацдемов» должности пришли далеко не чуждые белорусизации люди, к тому же еще и

достаточно смелые по своей натуре, не стремящиеся к карьере, ради которой иные готовы без всякого угрызения совести предать национальные интересы собственного народа.

Спустя несколько лет после начала гонения цвета белорусского этноса — «нацдемов» — особенно не ощущалось, что по инициативе государства и партийных органов идет решительное свертывание национальной культуры, проводится ограничение сферы социальных функций белорусского языка. Более того, на самом высоком государственном уровне принимались меры по дальнейшей белорусизации жизни. Правда, одновременно участились и случаи сознательного бойкота такой политики, поскольку за подобного рода действия никто не нес никакого наказания. И тем не менее у белорусской культуры продолжали крепнуть, становиться более прочными национальные основы.

Не поддались страху, на что могли рассчитывать инициаторы борьбы с «нацдемократизмом», театральные коллективы. По-прежнему у них в большом почете была национальная тематика, хотя идеологические службы ЦК КП(б)Б все настойчивее рекомендовали ставить те спектакли, в которых отражалась социалистическая действительность. Бесспорным достижением в те нелегкие для национальной культуры годы необходимо признать открытие в 1933 году Белорусского театра оперы и балета. Планировалось, что этот театр будет у нас явлением национального порядка. И он в действительности таким утверждался на практике, не останавливаясь даже перед тем, чтобы использовать белорусский язык в западноевропейской оперной классике. Жаль только, что наши композиторы, явно опаздывая, не обеспечивали театр собственными творениями и поэтому на белорусском языке приходилось показывать не свои, а преимущественно переводные оперы.

Отошло — и причем очень решительно — от национальных традиций абсолютное большинство нашей художественной интеллигенции только в самое страшнейшее для отечественной истории время — в годы массовых физических репрессий. Если кто-то и берег национальную форму в культуре — это только наши писатели. Но их ряды так поредели, что сразу же возник настоящий голод на оригинальную белорусскую художественную литературу. Приходилось в экстренном порядке, без соответствующей профессиональной подготовки переводить на белорусский язык произведения из других литератур, разумеется, преимущественно произведения, написанные в духе социалистического реализма. Такая литература прак-

тически никакой пользы не приносила воспитанию эстетического чувства у читателя, уводила его в сторону от реальной действительности. Если бы не удалось остаться на воле патриархам белорусской литературы Янке Купале и Якубу Коласу, можно было бы ставить точку на ее дальнейшем существовании. Не следует забывать, что из-под пера и этих корифеев художественного слова в то время выходило далеко не то, в чем имелась потребность у литературы, у самого читателя.

Никогда еще, как в период массовых политических репрессий, не пропагандировали «преимуществ» социалистической системы наши мастера кисти, скульпторы. В их творениях найти что-то национальное практически невозможно, ибо к этому не стремился почти никто из художников. Каждый из них считал своим первейшим долгом работать над сотворением образов «бессмертных вождей» всемирного пролетариата Ленина и Сталина, известных революционеров, партийных и государственных деятелей. Из художественных полотен почти полностью исчез белорусский пейзаж, а если таковой и присутствовал, то центральное место в нем занимало что-либо из колхозной или индустриальной тематики. И это вполне закономерно, ибо в тоталитарном государстве культура и искусство перестают служить народу, ценятся только те люди интеллектуального, творческого труда, которые готовы служить этому режиму. И ему на службу, чаще всего из-за страха, пришло немало людей. Высокие партийные и государственные органы не сделали ни одного решительного шага, чтобы предотвратить размывание национального потенциала белорусской культуры, при их поддержке стали интенсивно насаждаться интернациональные социалистические начала. Появление чего-то в действительности национального, как, например, опер «Михась Подгорный» Е. Тикотского, «В пущах Полесья» А. Богатырева, «Цветок счастья» А. Туренкова, балета М. Крошнера «Соловей», уже не могло приостановить начатого массового отхода от национального идеала в духовной жизни. Этот процесс приобрел необратимую силу, сильно ускорился главным образом потому, что началось повсеместное ограничение сферы использования белорусского языка. Язык, как известно, является сердцем и душой национальной культуры. С исчезновением его не суждено ей уцелеть. На рубеже 30–40-х годов белорусской культуре пришлось вплотную столкнуться с этим негативным, крайне опасным, вредным по своим последствиям явлением.

Кроме писателей прочно держалась национальных традиций педагогическая интеллигенция, особенно учителя общеобразовательной школы.

Белорусский язык, как и вытекало из этнической структуры населения республики, сохранял здесь господствующее положение. К счастью, изменить последнее с помощью референдума не додумались ни официальные власти, ни учительство, ни родители школьников. По-видимому, не позволяло их национальное самосознание, не отошла в небытие идея национально-культурного Возрождения.

Всего того отрицательного, что принесли в белорусскую национальную культуру массовые репрессии, не удалось избежать ни одному из нацменьшинств нашей республики. Городская часть из них подвергалась русификации, сельская, где все еще были сильны белорусские традиции, — жила под влиянием белорусизации. Полностью было удовлетворено лишь русское нацменьшинство, культурно-языковые потребности которого обеспечивались лучше, чем коренного белорусского населения.

Массовыми репрессиями удалось сильно поколебать позиции белорусской культуры, но сама национальная идея вконец не была убита, она просто вошла глубже в души людей. И это вполне объяснимо. Национально-культурное движение, которое охватило наш край в конце XIX — начале XX века, оказалось очень устойчивым и эффективным. Оно не прерывалось ни в годы Первой мировой войны, ни в годы Гражданской, достигло своего апогея во время белорусизации, самым положительным образом воздействуя на авторитет национальной идеи в широких кругах народа. Силовыми методами, репрессиями ее нельзя было удалить из души белоруса. Приостановить же развитие национальной культуры удалось.

В очень сложном положении оказалась она в тот роковой час, когда в Беларуси стали хозяйствовать немецко-фашистские оккупанты. Пришли они сюда с самыми человеконенавистническими планами, претворению в жизнь которых должно было служить не только огнестрельное оружие, но и немецкая культура. Корни германизации чужих народов ведут еще в период раннего средневековья. Ко времени вторжения немцев в наш край их опыт германизации стал еще богаче. Мы очень хорошо знаем о военной, политической, экономической борьбе с оккупантами. Но ведь с ними велась еще и культурная борьба. Вели ее преимущественно те, кто когда-то находился на правом фланге национально-культурного Возрождения, активно участвовал в проведений белорусизации, не предал ее во время развязанной спецслужбами борьбы с «нацдемами» и чудом уцелел во время массовых репрессий. Каждое открытое в годы оккупации учебное заведение являлось белорусским вместо изначально намечаемого

немецкого. То же следует сказать о театрах, радио, газетах, журналах. Все это есть не что иное, как сознательное сопротивление германизации белорусской нации. И если бы большевикам удалось перед войной полностью уничтожить людей, одержимых белорусской национальной идеей, на оккупированной территории практически не было бы кому защищать родную культуру предков, воевать против германизации белорусского народа. К сожалению, действия и поступки таких людей не только не ценились, а наоборот, осуждались, объявлялись руководством подпольных организаций, партизанского движения преступными. На таких людей смотрели как на предателей, врагов народа. Вот почему с приближением советских войск они заблаговременно оставляли родину, которой никогда не изменяли, и подавались на запад. Этим самым белорусской культуре нанесен, быть может, не меньший урон, чем борьбой с «нацдемовщиной», массовыми репрессиями. В результате в продолжение всех послевоенных лет, не исключая и текущего времени, приходилось испытывать острую нужду в деятелях культуры, которые не просто на высоком профессиональном уровне выполняли бы свои роли в драматических и оперном театрах, в театре музыкальной комедии, голосисто пели в вокальных ансамблях, а были бы преисполнены искренним желанием делать это так, как того требует национальное искусство и, уйдя со сцены, не расставались бы с белорусским словом. Для многих же оно всего лишь только средство получения вознаграждения за труд, а в лучшем случае еще и звания «заслуженного» или «народного», но только не внутренняя жизненная потребность.

Причины такого превратного отношения к белорусской национальной культуре следует искать в самых отдаленных временах. Но ему очень поспособствовало и непрофессиональное, неумелое регулирование партией и государством духовной жизнью в первые пять-десять послевоенных лет. Заложенный под нее дряхлый фундамент так и не позволил возвести настоящий храм белорусской национальной культуры.

За активное, самоотверженное сопротивление врагу, в результате чего погиб каждый четвертый, а может, и каждый третий житель Беларуси, и власти, и партийный центр в Московском Кремле должны были бы сделать максимум, чтобы не позволить еще дальше ослабить крайне изношенные национальные основы белорусской культуры. Особого внимания требовал к себе ее родной, природный язык, без которого духовная жизнь любого народа опустошается, деградирует, унося его в могилу. Такой заботы никто не проявил. В то время наше государство, партийные органы больше зани-

мались поисками врагов советского народа, борьбой с космополитизмом, низкопоклонством перед буржуазной культурой Запада, чем насущными вопросами национальной культуры.

Самым большим злом государственной политики в области культуры следует признать полное исключение белорусского языка как языка рабочего из аудиторий высшей и средней специальной школы. С первых послевоенных лет она перестала готовить молодые генерации белорусов на их материнском языке, что вырабатывало безразличие к своей национальной культуре. Из-за незнания белорусского языка создаваемая на нем культура казалась им чем-то далеким и чужеродным. Отрыв от белорусской культуры такого элитарного слоя общества, как интеллигенция, в результате незнания ею своего родного языка принес с собой самые негативные последствия для нашего народа. Его образованные, эрудированные люди неизбежно должны были тянуться к освоению, обогащению духовных ценностей той культуры, языком которой они владели и пользовались. Такой культурой, за редким исключением, стала для них русская. На белорусскую культуру они смотрели как на что-то побочное, а позже — как на экзотическое, воспитывая в таком же направлении и своих детей. Если во всех цивилизованных странах высшая и средняя специальная школа, готовящаяся ею интеллигенция — это самая надежная опора национальной культуры, у нас данные факторы играли и играют прямо противоположную роль, что в значительной степени и объясняет причину сильнейшей деградации национального пласта современной профессиональной культуры Беларуси.

Другим роковым злом партийных и советских органов в регулировании вопросов духовной жизни явилось вполне сознательное существенное сужение сферы использования белорусского языка в деятельности драматических и оперного театров, кинотеатров, эстрадных коллективов. Пренебрегая национальным фактором, они позволили руководителям культуры создавать русскоязычные драматические театры там, где совсем не было каких-то этнокультурных потребностей. Господствующее положение русского языка в сфере деятельности государственных учреждений культуры создало благоприятные условия для планового и непланового пополнения их лицами из других союзных республик, совершенно не способными и очень часто не желающими творить в русле белорусской национальной культуры. Мало того, что от нее из-за непродуманной языковой политики в высших и средних специальных учебных заведениях отрывали моло-

дые генерации интеллигенции белорусской нации, приобщая к русской культуре, число активных носителей последней постоянно росло еще и за счет притока в наш край людей, профессиональной деятельностью которых являлся тот или иной вид культуры. Некоторые из прибывших к нам оперных или эстрадных певцов умудряются даже в течение 10–15 лет не исполнить ни одной партии или песни на белорусском языке, не говоря уже о том, чтобы выучить его в той степени, которая позволяет свободно общаться в белорусскоязычном коллективе. Порою создание того или иного театрального, артистического коллектива определялось не языковой потребностью республики, а тем, на каком языке могут работать сами члены этого вновь образуемого коллектива. Особенно отчетливо это проявилось при создании в Минске Театра музыкальной комедии. Из всех театров республики он меньше всего вписывался и вписывается в национальную ткань белорусской культуры.

На старте послевоенного периода даже в минимальной ступени не был придан национальный характер самому массовому виду искусства — кино. Только единицы художественных фильмов создавались на белорусском языке или дублировались на него. Их рабочим языком был русский. Особенно сильно кино стало расшатывать национальные основы белорусской культуры после того, когда оно властно вторглось в сельскую местность с ее традиционно белорусской духовной жизнью, обычаями и нравами. В таком же направлении воздействовало на национальную культуру деревни телевидение, которое всерьез заявило о себе здесь в конце 50-х годов и очень приветливо было встречено населением.

Партийные и советские органы не нашли или не желали найти правильного решения для определения языка многих областных и районных газет на той территории, которая в сентябре 1939 года была включена в состав БССР. Логично было бы в наиболее сильно полонизированных областях и районах организовать издание газет на белорусском языке, чтобы посредством последнего приобщать людей к национальной культуре. Выпуск большого количества газет на русском языке привел к тому, что население этой территории начинало больше интереса проявлять к русской культуре и языку, чем ко всему белорусскому.

После всех этих ошибок, а скорее в результате сознательной деятельности партийных и государственных органов по денационализации культурно-языковых основ духовной жизни белорусов, с чьей-то легкой руки в конце 50-х годов был брошен архивредный клич о предоставлении

родителям школьников права освобождать их от обязательного изучения белорусского языка (в отношении русского языка такое не допускалось!), выбирать язык обучения в школе. При той серьезной оторванности белорусов от родного языка, о чем говорилось выше, при полном отсутствии белорусскоязычных высших и средних специальных учебных заведений давать родителям право вмешиваться в языковую политику общеобразовательной школы — это отнюдь не проявление чего-то сверх демократического, на что способно государство, а настоящее преступление против белорусской национальной культуры, поскольку от нее из-за незнания материнского языка отрывали детей уже в школьном возрасте. Референдум или какие-то иные формы привлечения взрослого населения к решению языкового вопроса в сфере просвещения (заметим, что в цивилизованных странах этим занимаются исключительно только на государственном уровне с привлечением самих эрудированных ученых в области филологии, педагогики, философии, социологии) если и допустимы, так только в условиях прочного положения языка коренного населения страны во всех видах деятельности человека, при широком развитии сети высших и средних специальных учебных заведений на этом языке. Всего этого не существовало в Белоруссии, и ее партийные и советские деятели наверняка знали, что абсолютное большинство родителей школьников бросится освобождать их от изучения белорусского языка, переводить школы с белорусского языка на русский как единственный господствующий в системе высшего и среднего специального образования. Так и получилось в действительности. Эта проведенная с инициативы самого государства акция — наиболее грязное пятно в его ассимиляторской политике. После этого началась небывалая в истории белорусского народа деформация его национальной культуры, особенно самых элитарных ее пластов.

Однако многие преданные национальным идеалам представители культуры и в этом практически полностью проигранном противостоянии с партийными и советскими органами не встали на колени, а продолжили прилагать титанические усилия, чтобы хоть немного затормозить процесс ассимиляции своего народа, не теряя надежды на приход лучших времен, какого-то спасительного чуда. Самую тяжелую ношу взвалили на свои плечи писатели. Наперед зная, что их очередная белорусская книга не найдет большого числа читателей (в переводе на русский язык ее тираж возрастал в несколько раз), они тем не менее в написание ее вкладывали столько таланта и мастерства, что ее просто нельзя было не заметить. Кого-нибудь

из белорусов такая книга и в тех крайне экстремальных условиях все же заставляла не забывать о своих национальных истоках. Некоторые произведения белорусских писателей стали основой для создания сценариев художественных кинофильмов (разумеется, в переводе на русский язык), либретто для постановки опер и оперетт. Очень счастливой оказалась судьба у многих драматургических произведений белорусских авторов. И все же нельзя не отметить, что белорусской литературе приходилось в очень жесткой конкуренции с русской литературой отстаивать право на существование в своей родной стране. Из-за отрыва от родного языка русскую литературу стали создавать у нас и сами белорусы. Повышенную заинтересованность в выпуске произведений русской литературы проявляли издательства республики, поскольку у них (произведений) был несравненно больший тираж, а значит, и куда более весомая рентабельность. В результате русская литература сильнее воздействовала на формирование белорусского читателя, чем его родная, и, конечно же, формировала его не в духе наших национально-культурных традиций.

Подобного рода тенденции наблюдались на многих участках театрально-музыкального искусства республики. В нем очень мало было такого, что способствовало бы национальному совершенствованию белоруса. Вот только мастерам художественной кисти удавалось умелым обращением к исторической тематике привлечь к своим творениям внимание ценителей этого вида искусства. Однако это не могло даже в самой мизерной степени компенсировать той утраты, которую несла нация от крайне ограниченного использования ее родного слова в общественной жизни и особенно в сфере самой культуры.

Под воздействием всех этих негативных факторов национальный идеал белорусов неизменно разрушался. Для многих из них принадлежность к некой мифической новой исторической сообщности людей — советскому народу было намного дороже и ближе своего национального идеала. Но он все-таки не был окончательно деформирован, о чем свидетельствовало широкое и активное участие белорусов в новом очередном движении в конце 80-х – начале 90-х за национально-культурное Возрождение, что особенно убедительно проявилось в быстром росте сети белорусских общеобразовательных школ. И если бы государственные органы своевременно побеспокоились о переводе на белорусский язык высших и средних специальных учебных заведений, у нас бы не существовало никаких проблем с созданием национальной системы образования как наиважнейшего

условия Возрождения, спасения любого народа от культурно-языковой ассимиляции. Несмотря на колоссальные потери в национально-культурном потенциале белорусского народа, он и сегодня находится на такой стадии, которая позволяет говорить о реальной возможности его спасения от ассимиляции и о дальнейшем развитии как самобытной этнической сообщности. Только нужно, чтобы национально-культурное Возрождение белорусского народа, как и в период межвоенной белорусизации, было возведено в ранг государственной политики. Сегодня же она на исторической территории белорусской нации отдает приоритет не ее родной культуре, а русской.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Лыч Леонид Михайлович

КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
от самобытной к денационализированной

Ответственный за выпуск *Геннадий Винярский*
Вёрстка *Ларисы Волчек*
Корректор *Юлия Криведко*

Подписано к печати 19.07.2010. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать на ризографе. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 3,27. Уч.-изд. л. 3,06.
Тираж 100 экз. Зак. 628.

ЧУП «Книгосбор».
Лицензия № 02330/0131712 от 12.05.06.
Ул. Я. Лучины, 38-93, 220112, Минск.
Тел./факс (017) 204-86-97,
тел. (029) 772-19-14, 682-83-86.

Напечатано с оригинала-макета заказчика
в типографии ЧУП «Ходр» ОО «БелТИЗ».
ЛП № 02330/0150482 от 25.02.09.
Ул. Освобождения, 9, 220004, Минск.